

18+

Карл Май

Моя жизнь и стремление

Автобиография

Карл Май

**Моя жизнь и стремление.
Автобиография**

«Издательские решения»

Май К.

Моя жизнь и стремление. Автобиография / К. Май —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564217-2

Автобиография Карла Мая публикуется впервые на русском языке. Книга по-своему конгруэнтна вызовам сегодняшнего дня. Карл Май, преодолев тяжелые человеческие проблемы, утверждает сияющий путь «Вверх, в царство благородного человечества».

ISBN 978-5-00-564217-2

© Май К.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие от переводчика	7
Моя жизнь и стремление	9
I. Сказка о Ситаре	9
II. Мое детство	13
III. Без юности	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Моя жизнь и стремление

Автобиография

Карл Май

Ольга Карклин *Переводчик*

© Карл Май, 2022

© Ольга Карклин, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-4217-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от переводчика

Карл Май, известный как автор историй о путешествиях, приключенческих романах об индейцах, философских аутентичных работ, в 1910 году издал автобиографическую книгу о своей жизни.

Хотя в мире, и в частности, в России, больше знают Карла Мая по романам о Виннету, а еще больше, наверное, по множеству фильмов, снимаемых и до наших дней, о самом авторе по-настоящему знают не так уж много.

Карл Май уже на закате своей жизни написал книгу «», опубликованную издательством Фезенфельда в Германии: «». **Mein Leben und Streben Моя жизнь и стремление**

Именно в таком переводе русскоязычному читателю известно название этой книги, впрочем, никогда еще не переведенной на русский язык до этого момента.

. Это первый перевод книги на русский язык со времени ее первой публикации в 1910 году

Перевод художественный, потому что язык Карла Мая отличается от обычного немецкого языка, имеет свои авторские особенности, своеобразие: ведь это язык большого и уникального художника.

Немного о названии.

Если с «Жизнью» понятно, то слово «Стремление» переводится все-таки не очень точно – это и мечта, направленность, и устремление, и усилия; нечто от слова «волить», «воля», не результат, но процесс, устремленный куда-то в высокую бесконечность.

Может быть даже и «стезя» было бы в некотором отношении наиболее точным переводом, хотя слово «стезя» и лишено динамики.

В итоге я все-таки остановилась на «Стремлении», как синтезирующем все смыслы.

Эта книга вряд ли адресована людям, кто не читали вообще книг Карла Мая, хотя и – как знать? И здесь речь вовсе не о фильмах по его книгам: там все чистые интерпретации и, в основном, следование внешней канве историй.

Так что, скорее всего, эта книга будет в большей степени интересна все-таки тем, кто уже знаком хотя бы в общих чертах с произведениями Карла Мая и личностью писателя. А также тем, кому интересен правдивый, а не карикатурный образ, правда об этом писателе. Или хотя бы отблески правды.

В этой книге Карл Май объясняет себя, свою жизнь и смысл своей жизни, с самого начала подчиненной великой цели.

. Что касается графического дизайна текста книги

В основном весь текст каждой главы книги Карла Мая «Моя жизнь и стремление» за небольшим исключением печатался в авторском оригинале с красной строки одним сплошным абзацем на одну главу.

Была ли это дань тому времени, было ли это в целях экономии или еще по каким-то причинам, в любом случае, для сегодняшнего процесса чтения – такой формат довольно трудоемок.

И если я разбиваю текст на короткие предложения внутри одной главы, то поступаю так лишь для того, чтобы яснее и точнее донести до читателя мысль автора.

Также, если я изредка перевожу некоторые слова очень близко к сегодняшним понятиям и речи, например, слово «файл» – «папка», «дело», «содержание дела», порой так и оставляя слово «файл» как есть, то ведь на то и перевод, чтобы сохраняя основной смысл, перевести на современный понятийный язык.

Что касается самой биографии Карла Мая.

На сегодняшний день существует в пересказах его биографии очень много неточностей, и даже прямой лжи и клеветы, неуважения, а даже и насмешки, некоторого высокомерия, что и в самой интерпретации его биографии. По умолчанию, его, как правило, считают лжецом, а вот самих себя, пишущие о Мае, позиционируют как правдивых и знающих. Что вряд ли всегда верно. Но и не все, конечно, так поступают.

Поэтому автобиография, написанная самим Карлом Маем и подтвержденная также документами того времени, представляет отдельный и особый интерес.

Плюс ко всему – до сих пор весёлый, карикатурный, и в отношении троллинга очень профессионально созданный (вряд ли его друзьями) образ самого Карла Мая, что никак не объясняет ни его литературные работы, ни его успех, ни любовь читателей вот уже как второй век, ни его феномен, ни то, что называют «Проблемой Карла Мая».

«Мы почитаем Гете, но читаем Карла Мая» – это стало давно уже поговоркой, особенно в Германии.

Отдельная тема – юмор Карла Мая, часто, совсем неожиданный, со множеством оттенков, но всегда светлый и обращенный к доброму человеку.

Вообще, ясность и умение прояснять – особенное качество писателя даже в очень сложных ситуациях, как в его произведениях, так и в жизни.

Проблема Карла Мая

Здесь – вообще белое пятно.

Карл Май: «Проблема Карла Мая – это общечеловеческая проблема – перенесенная из огромного всеохватывающего множественного числа в единственное число, в персонализированную индивидуальность».

Книга как раз и восполняет этот пробел. Потому что, можно сказать, то, что открывается за ее текстом – это и есть проблема Карла Мая. И, соответственно, метафорически – проблема всего человечества.

С другой стороны, как это ни чудовищно, хотя и не странно, весь этот старый троллинг, травля, направленная на уничтожение личности и самой жизни Карла Мая, на понижение значимости его книг, отказ в уникальности, стремление отказать ему вообще в праве быть частью немецкой и мировой литературы, вся эта травля оказалась во времени таким «черным пиаром», такой рекламой-антирекламой, что на самом деле поддерживает интерес публики всегда. И, безусловно, на сегодняшний день является отличным маркетинговым ходом для его книг. За что следовало бы сказать «большое спасибо» его личным и литературным врагам.

И это я еще ничего не говорю про индейцев, кому Карл Май уделил огромное внимание, народу, чья судьба занимала его с момента становления как писателя и до самого конца его жизни. Тех, кто почтили его память при его уходе, и до сих пор чтят его как «белого брата» всего индейского народа.

Художественный перевод Ольги Карклин (с)

Моя жизнь и стремление Автобиография Карла Мая

*Когда мир выбрасывает тебя прочь,
Уходи спокойно и больше не жалуйся.
Он откупился от тебя отказом.
И теперь верни свой долг себе самому.
Карл Май «В царстве серебряного льва»*

I. Сказка о Ситаре

Если двигаться строго по прямой от Земли к Солнцу три месяца, а затем прямо за Солнцем в том же направлении в течение еще трех месяцев, то прибудешь к звезде, которая называется Ситара. Ситара в переводе с персидского означает «звезда».

У этой звезды очень много общего с нашей Землей. Ее диаметр составляет 1700 миль, а окружность экватора – 5400 миль. Она вращается вокруг себя и одновременно вокруг Солнца. Движение вокруг себя длится ровно один день, движение вокруг Солнца – ровно один год, не больше, ни меньше ни на секунду. Ее поверхность состоит из одной части суши и двух частей воды. Но в то время как Земля, как известно, насчитывает пять континентов или частей света, материк Ситары устроен намного проще. Здесь все взаимосвязано. Он не образует несколько континентов, но всего лишь один, который делится на очень низкую болотистую Низину и Высокогорье, смело устремляющееся к Солнцу, соединенных несколько более узкой, круто поднимающейся полосой Джунглей.

Низина плоская, нездоровая, богата ядовитыми растениями и дикими животными и подвержена всем штормам, несущимися с моря на море. Она называется Ардистан. Ард означает землю, ком, низкую материю, а в переносном смысле – благополучие в бездумной грязи и пыли, безжалостное стремление к материи, жестокую разрушительную битву против всего, что не принадлежит лично себе или не желает служить эго. Таким образом, Ардистан является домом для низших эгоистичных форм существования, и это напрямую связано с его влиятельными обитателями в Земле **Жестокости и эгоизма**.

С другой стороны – возвышенное Высокогорье, здоровое, вечно молодое и прекрасное в лучах солнца, богатое дарами природы и плодами человеческого труда подобно райскому саду. Оно называется Джиннистан. Джинни означает гений, доброжелательный дух, доброжелательное неземное существо, а образно – означает врожденное сердечное стремление к чему-то более высокому, восхождение, духовную радость, а также духовное воспарение, усердное стремление ко всему, что хорошо и благородно, и прежде всего, сорадование счастьем ближнего, на благо всех тех, кто нуждается в любви и помощи. Джиннистан – территория человечности и милосердия, стремящийся вверх словно горы, некогда обетованная Земля. **Благородных людей**

Далеко внизу Ардистаном правит раса мрачно мыслящих эгоистичных тиранов, чей высший закон в двух словах таков: вы должны быть дьяволом своему ближнему, чтобы вы могли стать ангелом самому себе!

Высоко наверху с незапамятных времен существовала династия щедрых, поистине царственно мыслящих королей Джиннистана, чей высший закон в восхитительной краткости звучит так: «Ты должен быть ангелом своему ближнему, чтобы ты не стал для себя дьяволом!»

И пока существует этот Джиннистан, эта страна благородных людей, каждый ее гражданин обязан жить в тишине, не предавая ни своего ангела-хранителя, ни другого, быть кому-то кем-то еще.

Итак, в Джиннистане счастье и солнечный свет, с другой стороны, в Ардистане повсюду кругом глубокая духовная тьма и секретность, потому что сострадание к стремящимся освободиться от несчастья этого ада – табу!

Стоит ли удивляться тому, что внизу, в Низине, возникло все возрастающее стремление к Высокогорью? Что наиболее продвинутые души стремятся освободиться от тьмы и искупить грехи?

Миллионы и миллионы чувствуют себя как дома в болотах Ардистана. Они привыкли к миазмам. Они не хотят другого пути. Они не смогли бы существовать в чистом воздухе Джиннистана. Это не только самые бедные и наименьшие, но и самые могущественные, самые богатые и знатные в стране: фарисеи, которым нужны грешники, чтобы казаться праведными; богатые, которым нужны бедные люди, чтобы они служили им верой и правдой; знатные – у них должны быть работники, чтобы кто-то заботился бы о них самих и, прежде всего, – хитрые, для которых глупые, доверчивые и честные необходимы, чтобы их использовать.

Что стало бы со всеми этими избранными, если бы других больше не существовало? Поэтому всё предельно жестко.

Стоит ли удивляться, что здесь строго-настрого запрещено покидать Ардистан, во избежание кары местного законодательства? Все самые суровые наказания обрушиваются на того, кто осмеливается бежать в страну милосердия и человечности, в Джиннистан. Граница закрыта накрепко. Ее не перейти.

Нарушителя хватили и доставляли в «Кузницу призраков», где истязали и мучили до тех пор, пока он не чувствовал, что из-за боли он вынужден вернуться к ненавистному игу, да еще и с признанием вины.

Поскольку между Ардистаном и Джиннистаном лежит Мардистан, лесная полоса, поднимающаяся вверх через лабиринты деревьев и скал, то здесь и проходит бесконечно опасный и трудный путь. Мард – это персидское слово, оно означает «храбрость». Мардистан – промежуточная страна, в которую разрешено входить только «храбрецам»; все остальные обречены на гибель.

Самая опасная часть этой практически неизвестной местности – это «Кулубский лес». Кулуб – арабское слово; оно означает множественное число немецкого слова «Herz» (сердце, середина).

Итак, в глубине души таятся враги, которых нужно победить одного за другим, если вы хотите сбежать из Ардистана в Джиннистан.

А посреди этого леса Кулуб следует искать то место мучений, о котором говорится в «Вавилоне и Библии» стр. 78:

«В Мардистане, в лесу Кулуб.

Одинокая, глубоко спрятанная Призрачная кузница.

«Там призраков выковывают?»

«Нет, это лживые фэйки!

Буря приносит их с собою в полночь,

Когда в сумраке сверкают слезы осени.

Ненависть наполняет их мрачным желанием.

Зависть вонзает когти глубоко в плоть.

Потное раскаяние плачет о любящем.

Боль сжимает руку с молотом,

Недвижно глядя на закопченное лицо.

Да, вот, о, шейх, и тебя ухватили клещи.

В огне; шумят меха.
Пламя до крыши трепещет,
И все, что у тебя есть и что ты есть —
Тело, дух, душа, все кости,
Сухожилия, жилы, волокна, плоть и кровь,
Мысли и чувства, все, все
Будет сожжено, мучимо и испытано,
До белых углей...»
«Аллах, Аллах!»
«Не кричи, шейх! Говорят тебе, не кричи!
Потому что тот, кто кричит, не стоит этих мучений,
Выброшен в брак вместе с хламом,
А потом снова переплавлять.
Но ты же хочешь стать сталью, клинком,
Что сверкает в кулаке Параклета.
Так что молчи!
Вызванного из огня —
Они бросают тебя на наковальню – и крепко держат.
Каждая пора трещит.
Боль начинает свою работу в кузнице мастера.
Плюнув на кулаки, ухватывает его.
Поднимает гигантский молот двумя руками —
Падают удары. Каждый – убийство,
Убийство тебя. Тебя собираются .
Искры летят во все стороны.
Твое я становится все тоньше, все меньше и меньше.
И все же ты должен вернуться в огонь —
И снова – снова и снова, пока кузнец
Распознает дух, выходящий из адских мучений,
Из дымной копоти и ударов молота,
Улыбающийся ему спокойно, благодарно и радостно.
Он выкручивает его и забирает суть.
Он визжит, хрустит и разъедает
Что еще...»
«Стоп! Довольно!»
«Это длится, потому что приближается бор,
Он глубоко ввинчивается...»
«Молчи! Ради Бога!»
и т. д. и т. п.

Так вот как это выглядит в Мардистане, и вот как это внутри «кулубской кузницы призраков»!

Каждый житель звезды Ситары знает легенду о том, что души всех великих людей, которым предстоит родиться, спускаются с небес. Их ждут ангелы и демоны.

Душа, которой посчастливилось встретить ангела, рождается в Джиннистане, и все ее пути выпрямлены.

Однако бедная душа, попавшая в руки демона, увлекается им в Ардистан и ввергается в тем более глубокие страдания, чем возвышеннее задача, которая была дана ей Свыше.

Дьявол хочет, чтобы она погибла, и не отдыхает ни днем, ни ночью, чтобы превратить то, что было определено как талант или даже гений, в развращенного и заблудшего человека.

Никакое сопротивление и бунт не помогают; бедняги обречены. И даже если кому-то и удастся сбежать из Ардистана, то все равно схватят в Мардистане и утащат в кузницу-призрак, где будут пытать и мучить, пока он не потеряет последнюю каплю мужества к сопротивлению.

Лишь изредка Небесная сила, дарованная такой душе, брошенной в Ардистан, настолько велика и неисчерпаема, что переносит даже величайшие мучения от кузнецов-призраков и благодарно улыбается кузнецу и его товарищам из-за дымной завесы сажи и ударов молота. Даже эта величайшая боль не может повредить такой Небесной дочери, она в безопасности. Она спасена. Она не будет уничтожена огнем, но очищена и закалена.

И когда с нее сходит весь шлак, кузнецу приходится ее отпустить, потому что у нее уже не осталось ничего, что принадлежит Ардистану.

Поэтому ни человек, ни бес не могут помешать ей подняться в Джиннистан под гневные крики всей Низины туда, где каждый человек – ангел своего ближнего.

II. Мое детство

Я родился в самом низу в самой глубине Ардистана, любимое дитя нужды, тревог и печали.

Мой отец был бедным ткачом.

Мои дедушки погибли в результате несчастных случаев. Отец моей матери – дома, а отец моего отца – в лесу. Он уехал в соседнюю деревню на Рождество за хлебом. Ночью случилось ужасное. Он сбил с дороги во время сильной метели и сорвался в пропасть крутого ущелья Крахенхольц, из которого уже не смог выбраться. Ветер замел все следы. Его долго и тщетно искали. И только когда сошел снег, было найдено его тело и хлеб.

Вообще, Рождество очень часто бывало не счастливым, но роковым для меня и моей семьи.

Я родился 25 февраля 1842 года в тогда еще очень бедном и маленьком ткацком городке Эрнсттал, который теперь связан с несколько большим Хоэнштайном.

Нас было девять человек: мой отец, моя мама, две бабушки, четыре сестры и я, единственный мальчик.

Мать моей матери работала у людей по найму, а еще пряла. Иногда она зарабатывала больше 25 пфеннигов в день. Тогда она становилась величественно щедрой и раздавала нам, пятерым детям, по две булочки или даже по три, стоимостью по четыре пфеннига, потому что они были очень твердыми, несвежими, а бывало, что и заплесневелыми.

Она была хорошей, трудолюбивой, молчаливой женщиной, кто никогда не жаловалась. Говорили, что она умерла от старости. Однако истинной причиной ее смерти, вероятно, было то, что в настоящее время сдержанно именуется «недоеданием».

Мне нужно немного больше сказать о другой моей бабушке, матери моего отца, но не здесь.

Моя мать была мученицей, святой, всегда тихой, бесконечно трудолюбивой и, несмотря на нашу бедность, всегда готовой жертвовать ради других, возможно, даже еще беднейших. Никогда, никогда я не слышал плохого слова из ее уст. Она была благословением для всех окружающих, и особенно благословением для нас, ее детей. Как бы сильно она ни страдала, об этом никто не знал. Но вечером, когда она сидела возле маленькой коптящей масляной лампы, деловито касаясь вязальных спиц и воображая, что ее не замечают, случалось так, что слеза выступала у нее на глазах, и, чтобы она исчезла быстрее, чем появилась, она пробежала по щеке одним движением кончика пальца, мгновенно стирая след страдания.

Мой отец был человеком с двумя душами. Одна душа бесконечно мягкая, другая тираническая, переполняющаяся в гневе, неспособная контролировать себя. У него были прекрасные разносторонние таланты, но все они остались неразвитыми из-за большой бедности. Он никогда не ходил в школу, но сам свободно по собственному желанию научился читать и писал очень хорошо. Он был одаренным практически во всем. То, что видели его глаза, делали его руки. Хотя он был всего лишь ткачом, он умел сшить себе пальто, тужурку и брюки, а также сапоги с подошвой. Он любил вырезать из дерева и лепить, и то, что он мог сделать сам, было совсем неплохо и даже замечательно. Когда у меня появилась скрипка, а у него не случилось денег на смычок, он быстро сделал его сам. Ему, возможно, не хватало изящества и элегантно-сти, но для выполнения его задач было вполне достаточно. Отец любил труд, но его трудолюбие всегда спешило. То, на что у другого ткача уходило четырнадцать часов, у него занимало десять; затем он использовал оставшиеся четыре для вещей, которые ему нравились. В течение этих десяти напряженных часов ему не приходилось отвлекаться, все должно было соблюдать тишину, никому не разрешалось двигаться. Мы всегда боялись рассердить его. Или горе нам! На ткацком станке висела плетель с тройной веревкой, оставлявшая после себя синие рубцы,

а за печью стоял всем известный «Березовый Ганс», которого мы, дети, особенно боялись, потому что прежде отец любил замочить это в большом «печном котле» для наказания, чтобы сделать вицы эластичнее, и, следовательно, хлеще.

Затем, когда эти десять часов проходили, нам уже нечего было больше бояться, мы все вздыхали с облегчением, и другая душа отца улыбалась нам.

Он мог завоевывать сердца, но все-таки даже в самые счастливые и умиротворенные моменты мы чувствовали, что находимся на вулканической почве, время от времени ожидая вспышки. К тому же для тебя есть плеть или «Ганс», если не что-то похуже. Нашей старшей сестре, одаренной, милой, веселой, трудолюбивой девушке, он даже дал пощечину, хотя она была уже невестой, потому что пришла домой после прогулки с женихом несколько позже, чем ей было дозволено.

Здесь я должен сделать паузу, чтобы позволить себе серьезное, более важное замечание.

Я пишу эту книгу совсем не ради своих противников, например, чтобы ответить им или защитить себя от них, поскольку считаю, что способ, которым меня атакуют, исключает любой ответ или защиту.

Я пишу эту книгу также и не для своих друзей, поскольку они и так знают, понимают и принимают меня, так что мне не нужно снова объяснять им себя.

Скорее, я пишу это только для себя, чтобы прояснить себя и дать отчет в том, что я сделал к этому моменту и что я еще только собираюсь сделать. Поэтому я пишу исповедь.

Но я не исповедуюсь перед людьми, которые даже не думают признаваться в своих грехах передо мной, а скорее исповедуюсь перед моим Господом Богом и самим собой, и то, что эти двое скажут, когда я закончу, станет для меня решающим.

Так что часы, когда я пишу эти страницы, для меня не обычные, а священные.

Я говорю не только об этой жизни, но и о той жизни, в которую я верю и к которой устремлен.

Признаваясь здесь – я придаю себе форму и сущность, в которых однажды буду существовать после смерти.

Я действительно могу быть по-настоящему равнодушным к тому, что говорят об этой моей книге в том или ином лагере. Я передал это совсем в другие руки, а именно, в руки судьбы, всезнающего Провидения, в ком нет ни благосклонности, ни неблагосклонности, а есть только справедливость и истина.

Ничего нельзя скрыть, и ничего нельзя приукрасить.

Придется говорить как на духу и честно рассказать, как все было и как есть, даже если это будет выглядеть не слишком респектабельно, или даже как бы больно ни было.

Было изобретено выражение «проблема Карла Мая». Что ж, я принимаю это и понимаю.

Никто из тех, кто не читал и не понимал мои книги, но до сих пор их осуждает, не разрешит эту проблему за меня.

Проблема Карла Мая – это человеческая проблема – перенесенная из большого всеохватывающего множественного числа в единственное число, в персонализированную индивидуальность.

И точно так же, как эта человеческая проблема должна быть решена, проблема Карла Мая также должна быть решена, и никак иначе!

Тот, кто не может разрешить загадку Карла Мая удовлетворительным, гуманным способом, ради Бога, может оставить свои попытки и придержать свои неадекватные домыслы при себе в решении сложных человеческих проблем!

Ключ ко всем этим головоломкам уже давно существует. Христианская церковь называет это «первородным грехом».

Знать праотцов и праматерей означает понимать детей и внуков, и только человеческому, истинно благородному человеческому характеру дано быть правдивым и честным по отношению к предкам затем, чтобы стать правдивым и честным также и по отношению к потомкам.

Прояснить при свете дня влияние умерших на живых – это блаженство справа и искупление слева для обеих сторон, и поэтому я должен отразить именно так, как это и было на самом деле, независимо от того, покажется ли это ребячеством кому-то или нет. Я должен быть верным не только им и себе, но и своим собратьям. Возможно, кто-то сумеет извлечь уроки из нашего примера, как поступать правильно и в их случае...

Совершенно неожиданно мать унаследовала дом от дальнего родственника и несколько небольших льняных кошельков.

В одном из этих кошельков было только два пенни, в другом целых три пенни, а в третьем – звонкие гроши. В четвертом было целых пятьдесят пфеннигов, а в пятом и последнем было десять старых монет по восемь грошей, пять гульденов и четыре талера.

Это была удача! Казалось, что для бедняков это миллион!

Правда, дом был всего в три окна, довольно узких, и построен из дерева, но зато он был трехэтажным и имел голубятню наверху под коньком, что, как известно, не часто бывает в других домах.

Бабушка, мама моего отца поселилась на первом этаже, в комнате с двумя окнами у входной двери.

Дальше находилась комната для мытья и прачечная, которую сдавали в аренду другим людям за два пфеннига в час. Были счастливые субботы, когда эта аренда приносила десять, двенадцать, а то и четырнадцать пфеннигов. Это значительно укрепляло достаток.

Родители наши жили на первом этаже. Имелся механический ткацкий станок с заводным колесом.

На втором этаже спали мы с колонией мышей и некоторыми более крупными грызунами, вообще-то обитавшими в голубятне и приходящими к нам в гости лишь ночью.

Еще был подвал, но он всегда пустовал. Когда-то в нем стояли мешки с картошкой, но они принадлежали не нам, а соседу, не имевшего подвала. Бабушка говорила, что было бы лучше, если бы погреб принадлежал ему, а картошка – нам.

Двор был достаточно вместительным, чтобы мы пятеро могли выстроиться в очередь, не задевая друг на друга.

Рядом был сад, в котором росли старые деревья: куст бузины, яблоня, слива, и там же был бассейн с водой, который мы называли «пруд».

Если мы простужались, нам подавали чай из бузины, чтобы мы хорошо пропотели, как это делается при обычной простуде, но это длилось недолго, потому что, если простужался кто-то один, все остальные начинали кашлять и тоже хотели пропотеть.

Яблоня всегда цвела очень красиво и очень обильно; но так как мы слишком хорошо знали, что яблоки вкуснее всего сразу после цветения, то их обычно собирали в начале июня.

Но вот сливы были для нас священными. Бабушка их очень любила. Их пересчитывали каждый день, и никто не осмеливался их трогать. Мы, дети, получали больше, намного больше, чем было положено.

Что же до «пруда», то он был очень богат, но, к сожалению, не рыбой, а лягушками. Мы все знали их лично даже по голосу. Всегда их было от десяти до пятнадцати. Мы кормили их дождевыми червями, мухами, жуками и множеством других замечательных вещей, которыми мы сами не могли наслаждаться по гастрономическим или эстетическим причинам, и лягушки также были нам очень благодарны. Они знали нас. Они выходили на берег, когда мы приближались к ним. Некоторые даже позволяли поймать и погладить себя.

Но настоящая благодарность звучала вечером, когда мы засыпали. Никакая сельская цитра не могла доставить больше радости, чем наши лягушки.

Мы точно знали, кого из них слышим, будь то Артур, Пол или Фриц, когда же они начинали петь дуэтом или же хором, мы вскакивали с постели и открывали окна, чтобы квакать, пока мама или бабушка не приходили и не возвращали нас обратно.

К сожалению, однажды в город приехал так называемый окружной врач для проведения так называемого медицинского осмотра. Все было не по нему. Этот странный и черствый человек, увидев наш сад и наш прекрасный пруд, схватился за голову и заявил, что эти чума и холера должны немедленно исчезнуть.

На следующий день полицейский Эберхард принес бумагу от городского судьи Лайрица, в которой говорилось, что пруд должен быть засыпан в течение трех дней, а колония лягушек должна быть уничтожена – плюс штраф на пятнадцать «добрых грошей».

Мы, дети, возмутились. От мысли о гибели лягушек нас бросило в жар! Мы посоветовались, нашли решение и выполнили его. Пруд был настолько мелок, что мы сумели выловить лягушек. Мы их положили в большую корзину с крышкой и отнесли за стрельбище к большому глубокому пруду – впереди шла бабушка, за ней мы. Там каждого по одному вынимали, ласкали, гладили и отпускали в воду.

Сколько было горьких вздохов, сколько пролилось слез и сколько сокрушительных приговоров было вынесено в отношении так называемого окружного врача, сейчас уже трудно установить – более, чем через шестьдесят лет. Но я до сих пор точно знаю: чтобы положить конец нашей ужасной душевной боли, бабушка заверила нас, что каждый из нас может вернуться домой ровно к десяти.

В тот год, когда мы унаследовали дом в три раза больше, с садом в пять раз больше, в котором имелся пруд в десять раз больше, с лягушками в двадцатикратном количестве. Это вызвало внезапную и приятную перемену в нашем настроении. Мы с радостью поехали домой вместе с бабушкой и пустой корзиной с крышкой.

Это произошло в то время, когда я уже не был слепым и уже мог выходить.

Я не родился слепым и не имел наследственных физических недостатков. Отец и мать, определенно, были сильными, здоровыми натурами. Они никогда не болели вплоть до самой смерти. Утверждение о врожденном изъяне – несправедливо, и я абсолютно не могу с этим согласиться.

Тот факт, что вскоре после рождения я настолько серьезно заболел, что потерял зрение и томился целых четыре года, был результатом не наследственности, а чисто бытовых условий, бедности, незнания и пагубных лекарств, жертвой которых я стал.

Но как только я попал в руки компетентного врача, мое зрение вернулось, и я стал очень сильным и выносливым мальчиком, достаточно сильным, чтобы бороться с кем и с чем угодно.

Но прежде чем начать рассказ о себе, я должен какое-то время побыть в той среде, в которой прожил свое первое детство.

Мать унаследовала еще и долги за дом. Взыскивались проценты. В результате мы только жили почти бесплатно, да и то не совсем. Мать была бережливой, и отец был по-своему бережлив. Но поскольку он был неумерен во всем – в своей любви, в гневе, в прилежании, в похвале, в упреках, таким же был и в своей рассудительности.

Разумно было бы рассудить, что небольшое наследство может стать только стимулом для сохранения сбережений и освобождения дома от долгов. Но даже если он действительно не мог поверить, что внезапно стал богатым, то все-таки мог предполагать, что теперь может перейти к другому образу жизни.

Он всю жизнь воздерживался за ткацким станком от всякой внешней борьбы. Теперь у него был дом и у него были деньги, много денег. Он мог достичь чего-то другого, лучшего, чего-то более удобного и более полезного, чем ткачество. Перед сном в своей постели он погружался в мечты. Пока он лежал в постели, не в силах заснуть и размышлял, что же предпринять, он слышал, как крысы грохочут над ним в пустой голубятне. Это грохотание повторялось изо

дня в день, и поэтому, как это хорошо понятно любому психологу, он решил прогнать крыс и завести голубей. Он захотел стать торговцем голубями, хотя мало что понимал в этом деле. Он слышал, что здесь можно заработать много денег, и считал, что даже без необходимых специальных знаний у него достаточно ума, чтобы стать более ловким, чем любой торговец. Крыс прогнали и завели голубей.

К сожалению, без денег это приобретение не обошлось. Маме пришлось пожертвовать одним из своих мешочков, может быть, двумя. Она сделала это неохотно.

Она не радовалась голубям так как мы, дети. Больше всего нам нравилось наблюдать, как менялись милые существа, покрываясь нежным пухом и оперяясь.

Он купил две пары очень дорогих «синих» голубей. Принес их домой и показал нам. Он надеялся заработать на них как минимум три талера.

Через несколько дней синие перья оказались на земле: они были ненастоящими, просто приклеенными.

Драгоценные «синие» оказались не слишком ценными полевыми белыми голубями.

Отец купил очень красивого молодого серого голубя за талер и пятнадцать добрых грошей. Спустя короткое время выяснилось, что голубь слепой по возрасту. Он не вылетал из чердака, его стоимость была равна нулю.

Такие и подобные им случаи умножились. В результате маме пришлось пожертвовать третьим мешочком для развития торговли голубями.

Конечно, отец тоже очень старался. Он не бездействовал в праздности. Он обошел все рынки, все гостиницы и таверны, чтобы купить или найти покупателей.

Вскоре он купил горох; душистый горошек, который получил «наполовину бесплатно».

Он постоянно переезжал из одной деревни в другую, от одного фермера к другому. Он все время приносил домой сыр, яйца и масло, в которых мы не нуждались.

Он покупал их слишком дорого для того, чтобы фермеры склонились к торговле, а избавлялся от них лишь с большими усилиями и потерями.

Эта неустойчивая бесполезная жизнь не способствовала, а лишала счастья в доме; это съело даже остальные льняные кошельки.

Мать напрасно увещевала добрыми словами. Она рассердилась и замолчала, пока это не стало грехом продолжать.

Тогда она решилась и пошла к городскому судье Лайрицу, кто в данном случае показал себя гораздо более разумным, чем в те времена с нашими лягушками.

Она описала ему всю свою ситуацию. Она сказала ему, что хотя она очень и очень любит своего мужа, в первую очередь она должна заботиться о благополучии своих детей. Она сообщила ему, что кроме кошельков, о которых она говорила до сих пор, у нее есть еще один, который она еще не показывала своему мужу, но хранила в секрете. Городской судья должен проявить любезность и подсказать ей, как она может вложить эти деньги, чтобы защитить себя и своих детей. Она поставила перед ним сумку. Он открыл ее и посчитал. Было шестьдесят твердых, блестящих, хорошо начищенных талеров.

Поразительно! Так подумал об этом городской судья Лайриц, затем он сказал: «Моя дорогая фрау Май, я знаю вас. Вы хорошая женщина, и я Вас поддерживаю. Наша акушерка составила, нам нужна молодая. Вы поедете в Дрезден и станете акушеркой на эти деньги. Я ручаюсь! Если вы вернетесь с хорошими оценками, мы сразу вас примем на работу. Даю вам слово. Но если у вас будут низкие оценки, мы не сможем вас нанять. А теперь идите домой и скажите своему мужу, чтобы он сразу пришел ко мне, мне нужно с ним поговорить!»

Это произошло. Мать уехала в Дрезден. Она вернулась с первыми оценками, и господин Лайриц сдержал свое слово, ее наняли.

Во время ее отсутствия домом управляли отец и бабушка. Это было трудное время, время страданий для всех нас.

Случилась оспа. Мы, дети, заболели все. Бабушка едва держалась на ногах, как и отец. У одной из сестер больная голова превратилась в деформированную забинтованную шишку. Лоб, уши, глаза, нос, рот и подбородок полностью исчезли. Врачу пришлось искать губы ножом, прорезая бинты, чтобы дать пациентке хотя бы немного молока. Она до сих пор жива, самая счастливая из нас, и никогда больше не болела. Мы все еще можем видеть шрамы, которые доктор оставил на ней, когда искал ее рот.

Когда мама вернулась, это тяжелое время еще не закончилось, но ее пребывание в Дрездене принесло мне огромное счастье.

Благодаря своей напряженной работе и спокойствию, глубокому серьезному характеру, она заслужила благосклонность двух профессоров, Гренцера и Гаазе, и рассказала им обо мне, жалком, слепом и эмоциональном мальчике.

Ей предложили отвезти меня в Дрезден, где ей окажут помощь эти два господина. Это вскоре произошло и завершилось чудесным успехом.

Я научился видеть и вернулся домой, сразу же поправляясь и восстанавливаясь.

Но все это потребовало огромных, великих жертв, разумеется, только ввиду наших бедных обстоятельств.

Мы были вынуждены продать дом ради всех необходимых расходов – и все равно той небольшой суммы, которую мы выручили, едва хватило для покрытия самого минимума. Мы переехали в арендованный дом.

А теперь о человеке, который оказал самое глубокое и наибольшее влияние на мое развитие в психологическом отношении.

В то время как мать нашей матери родилась в Хоэнштайне и поэтому ее называли «бабушкой из Хоэнштайна», мать моего отца происходила из Эрнсттала, и поэтому ее следовало называть «бабушкой из Эрнсттала».

Последняя была очень своеобразным, глубоким, благородным и, я бы даже сказал, загадочным существом. С юности она являлась для меня душевной, волнующей загадкой, о глубине которой я мог только догадываться, но никогда не мог ее разгадать.

Откуда она все это брала?

Очень просто: это была – душа, ничего кроме души, и сегодняшняя психология знает, что это означает.

Она родилась в глубочайшей нужде и выросла в самых глубоких страданиях; поэтому она на всё смотрела с надеждой, всё видела глазами упования, жаждущими искупления. А того, кто способен надеяться и доверять правильному пути, оставив несчастья позади себя, того впереди ждет только солнечный свет и мир Божий.

Она была дочерью бедных людей, потеряла мать в раннем возрасте и должна была содержать отца, который не мог ни стоять, ни лежать, прикованный к старому кожаному креслу на протяжении многих лет до самой смерти. Она ухаживала за ним, проливая бесконечные слезы и принося бесконечные жертвы. Бедность позволяла ей только самое дешевое жилье. Окно ее комнаты показывало только кладбище, не более того. Она знала все могилы и думала только об одном пути для себя и своего отца – из своей скудной каморки – об упокоении в гробу на кладбище.

У нее появился человек, полюбивший ее, добрый и честный с ней, но она отказалась от отношений и совместного будущего с ним.

Она просто хотела принадлежать отцу, оставаясь в полном одиночестве, и молодец согласился с ней. Он ничего не сказал, но ждал и остался верен ей.

Там, на верхнем этаже, стояла старая коробка с еще более старыми книгами. Это были реликвии в кожаном переплете разного содержания, как духовного, так и мирского. Легенда гласит, что когда семья была еще богатой, в ней были священнослужители, ученые и много путешествовавшие джентльмены, о которых эти книги напоминают нам и сегодня.

Отец и дочь умели читать; они оба научились этому самостоятельно. Вечером, после дневной работы и трудов они зажигали маленькую старую лампу, и один из двоих читал вслух. Прочитанное обсуждалось потом в перерывах.

Уже по двадцать раз были прочитаны книги, но всегда все начиналось сначала, потому что всегда появлялись новые мысли, которые казались лучше, прекраснее и правильнее предыдущих.

Самым читаемым стал довольно большой и уже сильно зачитанный том, название которого было:

Хакавати

Истории из Азии, Африки, Турции, Аравии, Персии и Индии, переводы с описанием, объяснением и толкованием, а также подробными пояснениями и иллюстрациями

от

Кристиана Кречманна

Издано в Германии

Напечатано Вильгельмом Кандидусом

A. D: M.D.C. V.

В этой книге было множество особенных восточных сказок, которых не было ни в одном другом сборнике сказок.

Бабушка знала все эти сказки наизусть.

Обычно она повторяла слово в слово то же самое, но в некоторых случаях, когда она считала это необходимым, вносила изменения и дополнения, из которых становилось ясно, что она очень хорошо знала дух того, о чем рассказывала и чему позволяла вступить в силу.

Ее любимой сказкой была сказка о Ситаре; позже она стала и моей, потому что она рассматривает географию и этнологию нашей Земли и ее жителей с чисто этической точки зрения.

Но это только для пояснения.

Отец бабушки умер в результате серии кровопусканий. Его уход был таким тяжелым, что и дочь была также близка к смерти, но выжила.

Когда траур закончился, верный любящий Май пришел и забрал ее домой.

Ну, наконец-то они по-настоящему счастливы! Бог благословил это супружество.

Родились двое детей, мой отец и его сестра, которая позже перенесла несчастный случай и пострадала от последствий.

Вы видите, у нас не было недостатка в бедах, или, так сказать, экзаменах. И вы также можете видеть, что я ничего не скрываю. У меня не должно быть намерения описывать уродливое как прекрасное.

Но вскоре после рождения второго ребенка произошло то печальное рождественское событие, о котором я вам уже рассказывал.

Добрый молодой человек ночью упал в глубокий снежный каньон со своим хлебом и замерз.

Бабушке с двумя детьми в Рождественские дни было нечего есть, и только спустя долгое время она узнала, что потеряла любимого мужа, да еще и таким чудовищным образом.

Затем последовали годы траура, а потом тяжелые времена наполеоновских войн и голода.

Все было опустошено. Работы нигде не было. Инфляция росла, бушевал голод.

Бедный разнорабочий пришел просить милостыню. Бабушка не смогла ему ничего подать. У нее не было и куска хлеба для себя и своих детей. Он увидел, как она тихо плачет. Как жаль ее. Он ушел и вернулся через час. Он высыпал перед ней то, что получил – куски хлеба, дюжину картошек, брюкву, небольшой, очень хороший сыр, мешок муки, мешок перловой крупы, ломтик колбасы и крошечный кусочек бараньего жира. Затем он быстро ушел,

чтобы унести с собой ее благодарность. Больше она его не видела; но Кто-то его наверняка знает и не забудет.

Этот Кто-то также послал и другую, большую помощь.

У старшего лесничего умерла жена. Он жил неподалеку и был хорошо известен своим богатством и благородством.

Его жена оставила ему много детей. Он захотел, чтобы его фермой управляла бабушка.

В это трудное время она почла бы за счастье согласиться, но заявила, что не может разлучиться со своими детьми, даже если бы у нее и было, где их оставить.

Не долго думая, добрый человек пояснил ей, что не переживал бы, будь у нее шесть или даже восемь детей, они все были бы важны. Она должна просто прийти, и не без них, а с ними.

Это было спасением в величайшей нужде!

Пребывание в тихом, уединенном лесном домике пошло на пользу матери и детям. Они выздоровели и окрепли благодаря лучшему питанию.

Главный лесничий видел, как бабушка изо всех сил старается быть ему благодарной и убоготворить его. Она работала почти сверх сил, но при этом чувствовала себя хорошо. Он молча наблюдал за всем этим и вознаграждал их, предоставив ее детям то же самое, что и его собственным.

Конечно, он был аристократом и действительно гордился собой. Обедал он наедине со своей матерью.

Бабушка была всего лишь прислугой, но ела не в комнате для прислуги, а вместе с детьми в детской.

А спустя долгое время, когда он получил представление о ее необычной душевной жизни, тогда он также позаботился о ней и во внутренних отношениях. Он облегчал ей тяжелую работу, позволял читать ему и его матери по вечерам, а затем разрешил ей заглядывать в его книги. С какой радостью она так и поступила! И у него были такие хорошие, такие полезные книги!

Детям была предоставлена разумная свобода. Они вдоволь носились по лесу, их руки и ноги окрепли, щеки их разругались.

Маленький Май был самым младшим и самым маленьким из всех, но у него все было хорошо. И он был осторожен, любознателен и внимателен. Он хотел знать все. Он спрашивал обо всем, чего не знал.

Вскоре он уже знал названия всех растений, всех гусениц и червячков, всех жуков и бабочек, обитавших в его местности. Он пытался узнать в чем их повадки, особенности и привычки.

Эта жажда знаний снискала ему особую привязанность главного лесничего, и мальчику даже разрешалось сопровождать его.

Я должен упомянуть об этом, чтобы позже было понятно: последующее возвращение к прежним невзгодам и несчастьям этого солнечного, подающего большие надежды юноши никак не могло показаться ему счастливым.

Именно в то время во время обеда бабушка внезапно потеряла сознание и упала замертво со стула на пол. Весь дом пришел в волнение. Вызвали врача. Он прослушал сердцебиение; бабушка умерла и будет похоронена через три дня.

Но она была жива. При этом она не могла пошевелить ни руками, ни ногами, ни даже губами или не совсем закрытыми веками. Она все видела и слышала, рыдания, плач по ней. Она понимала каждое сказанное слово. Она видела и слышала плотника, который приходил измерять для нее гроб. Когда он закончил, ее поместили в холодную комнату.

В день похорон ее держали в коридоре. Пришли из похоронной службы, пастор и кантор с певчими. Семья начала прощаться с, казалось бы, мертвой. Вы только представьте ее страдания! Три дня и три ночи она делала все возможное, чтобы каким-то движением показать, что она еще жива – напрасно!

Настал последний момент, когда спасение еще было возможным. Когда гроб закроют, надежды больше не останется.

Позже она рассказывала, что в своем ужасном смертном страхе она прилагала нечеловеческие усилия, чтобы хотя бы пошевелить пальцем, когда один за другим подходили к ее руке в последний раз.

Так же подошла и младшая девочка главного лесничего, которую особенно любила бабушка. И тогда-то ребенок вскрикнул, вздрогнув: «Она сжала мою руку; она хочет держаться за меня!»

И верно, увидели, что очевидно умершая женщина поочередно разжимала и сжимала руку медленными движениями.

Конечно, о похоронах уже не было и речи. Привели других врачей; бабушка была спасена. Но с тех пор ее образ жизни стал еще серьезнее и возвышеннее, чем раньше.

Она редко говорила о том, что думала и чувствовала в эти незабываемые три дня на границе между жизнью и смертью. Должно быть, это было ужасно. Но это только укрепило ее веру в Бога и увеличило ее доверие к Нему.

Точно так же, когда она только казалась мертвой, с того момента она также воспринимала так называемую настоящую смерть только как видимость и потратила годы на поиски правильной идеи, чтобы объяснить и доказать это.

Благодаря ей и этой ее очевидной смерти я верю только в жизнь, а не в смерть.

Внутренне это событие еще не было полностью преодолено, когда бабушка была отброшена к прежним обстоятельствам после переезда с двумя ее детьми и второго брака с главным лесничим.

Она вернулась в Эрнсталь и теперь была вынуждена самостоятельно зарабатывать каждую копейку.

Хороший человек, которого звали Фогель, тоже был ткачом, и попросил ее руки.

Все советовали ей, что ей необходимо дать своим детям отца; она должна была подумать о них. Она так и поступила и не пожалела, но, к сожалению, через короткое время снова овдовела. Он умер, оставив ей все, что у него было, бедность и репутацию хорошего, трудолюбивого человека.

Потом вокруг нее наступила тишина.

Она выучила свою девочку на швею, а мальчика на ткача, с утра до вечера занимающегося своим механическим колесом.

Считалось само собой разумеющимся, что мальчику нечем было заниматься, кроме как ткачеством, хотя, конечно, он полностью потерял желание к этому занятию еще во время пребывания в лесном домике, он уже и мыслил совершенно по-другому.

И, неудивительно, что позже, когда он был вынужден заняться делом, которое ему было не по душе, у него появилась идея освободиться от него, торгуя голубями.

И все же он выполнял свой долг и мальчиком, и юношей.

Он был трудолюбив и стал способным ткачом, чьи изделия были настолько чистыми и славными, что каждый был счастлив сделать заказ у него.

Однако в свободное время он бродил по полям и лугам, чтобы заниматься ботаникой и записывать все знания, полученные им от главного лесничего.

Потому-то его обрадовали некоторые старые, интереснейшие книги, найденные с наследством матери, а их содержание очень пригодились ему и оказалось великим благом в его дополнительных занятиях.

Я имею в виду, в частности, большой объемный том, фолиант с более чем тысячью страницами, и имевший следующее название:

Книга трав

Высокообразованный и всемирно известный Dr. Петри Андреа Маттиоли.

Теперь снова со множеством новых прекрасных иллюстраций /также полезных и красивых/ и других замечательных описаний / в третьем переиздании/

От Иоахима Камериума,

Достохвального Reichsstatt Nürnberg Medicum, Doct.

Выберите три хорошо упорядоченные, полезные главы из содержания по заголовку в перечне латинских и немецких названий трав /и затем определения видов/для их использования.

Кроме подробного описания/дистилляторов и печей.

Mit besonderem Röm. Kais. Majest. Privilegio,

Не перепечатывать ни в каком формате

Отпечатано во Франкфурте-на-Майне

М. Д. С.

Само собой разумеется, что отец должен был немедленно взять эту книгу в руки и внимательно ее изучить. На самом деле она содержала даже больше, чем обещал заголовок. Названия растений часто давались на французском, английском, русском, богемском, итальянском и даже арабском языках, что впоследствии очень помогло мне на моем пути.

Отец так же переходил от страницы к странице этой восхитительной книги, от растения к растению. Он многому научился, намного большему, что уже знал. Не только знаниям о самих растениях, но также их питательным и полезным свойствам, а также их лечебным эффектам.

Предки проверили эти эффекты и снабдили том большим количеством заметок на полях, в которых говорилось, какими оказались эти испытания.

Позже эта книга стала источником самых чистых и полезных радостей, и я могу с уверенностью сказать, что отец отлично мне помог.

Еще одна книга из них представляла собой собрание библейских гравюр на дереве, вероятно, с самых первых дней ксилографического искусства.

Она хранится у меня до сих пор, как и Книга о травах.

В ней очень много прекрасных иллюстраций; к сожалению, некоторые отсутствуют.

Первый – Моисей, а последний – зверь из одиннадцатой главы Откровения Иоанна.

Титульная страница больше не доступна.

Так что я не знаю, кто ее составитель, и в каком году вышла работа.

Это был справочник бабушки, по которому она рассказывала нам библейские истории.

Каждая из этих историй доставляла нам удовольствие, и это подводит меня к величайшему преимуществу бабушки для нас, детей, а именно, к ее несравненному дару рассказывать.

Бабушка даже не рассказывала, она творила – она описывала – она изображала – она формировала.

Каждая, даже самая упорная субстанция, приобретала форму и цвет на ее губах.

И когда двадцать человек слушали ее, у каждого из двадцати создавалось впечатление, что все, о чем она говорила, было рассказано исключительно для него. И это сохранялось.

Независимо от того, брала ли она свои рассказы из Библии или из своего личного богатого сказочного мира, речь шла всегда о тесной связи Неба и Земли, о победе Добра над злом, об уповании, что все на земле – всего лишь притча, символ – потому что Источник всей Истины не в низшей, а только в Высшей жизни.

Я убежден, что она делала это не осознанно и не с ясным намерением; она не была достаточно проинформирована об этом, но это был врожденный дар, она была гением, а известно, что гений наверняка добьется того, что хочет, даже если не знает и не замечает.

Бабушка была бедной, необразованной женщиной, но, тем не менее, милостью Божией – поэтом и, следовательно, рассказчиком, создававшим персонажей из обилия рассказанного ею, живущими не только в сказках, но и в правде.

В моей памяти первой появляется не сказка Ситары, а сказка «о заблудшей и забытой человеческой душе».

Мне было так жаль ее, эту душу. Я плакал по ней своими слепыми, лишенными света детскими глазами. Для меня эта история была полностью правдой.

Но только спустя годы, когда я познакомился с жизнью и глубоко изучил внутреннее существо человека, я понял, какое знание человеческой души на самом деле было утеряно и забыто, и что вся наша психология не могла этого сделать, вернуть нам эти знания.

В детстве я сидел недвижимо и неподвижно в течение нескольких часов, глядя в темноту своих больных глаз, чтобы размышлять, куда делось потерянное и забытое. Я хотел и желал найти это.

Бабушка посадила меня к себе на колени, поцеловала в лоб и сказала: «Успокойся, мой мальчик! Не горюй о них! Я нашла их. Они там!»

«Где?» – спросил я.

«Здесь со мной», – ответила она. – «Ты и есть эта душа, именно ты!»

«Но я не заблудился», – вставил я.

«Конечно, заблудился. Тебя бросили в Ардистан, самый бедный и грязный. Но тебя найдут; потому что, даже если все, все забыли тебя, Бог не забыл тебя».

В то время я не понимал этого; я понял это позже, намного позже.

Фактически, в те дни раннего детства каждое живое существо было всего лишь душой, ни чем иным как душой.

Я ничего не видел.

Для меня не было ни форм, ни линий, ни цветов, ни мест, ни перемены мест.

Я мог чувствовать, слышать и обонять людей и предметы, но этого было недостаточно, чтобы увидеть все как есть, правдиво и ярко.

Я мог только представить это.

Я не знал, как будут выглядеть человек, собака или стол; я мог только мысленно составить образ, и этот образ был эмоциональным.

Когда что-нибудь говорили, я слышал не их тело, а их душу. Не внешность, а внутреннее приближалось ко мне. Для меня были только души, одни души.

И так оно и осталось, даже когда я научился видеть, с детства и до наших дней.

В этом и заключается разница между мной и другими. Это ключ к моим книгам.

Так объясняется все то, за что меня хвалят и все, за что меня критикуют.

Только тот, кто был слеп и снова смог видеть – только тот, у кого есть такой глубоко укоренившийся и такой мощный внутренний мир, что даже тогда, когда он стал снова видеть, этот мир все равно доминирует над всем внешним миром на всю жизнь – только тот может вообразить все, что я вообще спланировал, то, что я сделал и что написал, и только он имеет возможность критиковать меня, и никто другой!

Целыми днями я находился с бабушкой, а не с родителями. Она была моим всем. Она была моим отцом, моей матерью, моим учителем, моим светом, моим солнечным светом, которого так не хватало моим глазам. Все, что я принимал физически и духовно – исходило от нее. Так что, естественно, я стал похож на нее.

То, что она мне рассказывала, я повторял снова и добавлял то, что частично угадывало, а частично прозревало мое детское воображение.

Я рассказывал братьям и сестрам, а также и другим, тем, кто приходил ко мне, хотя я не мог их видеть. Я рассказывал им тоном моей бабушки, с ее уверенностью, без сомнения, терпеливой.

Это прозвучало рано и убедительно. Это создало мне ореол не по годам очень умного ребенка. Итак, взрослые приходили послушать меня, и я бы стал избалованным оракулом или вундеркиндом, если бы не бабушка, такая скромная, искренняя и мудрая, умевшая вмешаться там, где мне угрожала опасность.

Слепому ребенку дается мало работы. У него больше времени на размышление и обдумывание, чем у других детей. Очень легко можно показаться умнее, чем на самом деле.

К сожалению, у отца не было ни проникательной скромности бабушки, ни молчаливой рассудительности матери. Он очень любил говорить и, как мы уже знаем, преувеличивал все, что делал и говорил.

Значит, случилось то, что мне было суждено, и я не смог избежать ужасной участи посмертного признания.

Когда я научился видеть, моя душевная жизнь была уже настолько развита и определена в ее поздних основных чертах, что даже мир света, который теперь открылся перед моими глазами, не имел силы сместить во мне центр тяжести.

Я оставался ребенком на все времена, чем больше я рос, тем больше я становился ребенком, в котором душа имела главное преимущество и до сих пор имеет такое преимущество, что никакое внимание к внешнему миру или материальной жизни никогда не захватывало меня, если я мыслил это эмоционально верным.

И пока я живу, я постоянно чувствую, что люди также далеки от меня, как и я от них, предпочитающий действовать не из внешних причин, а из себя, из своей души.

Величайшие и прекраснейшие дела нации рождались изнутри. И как бы ни был силен и изобретателен ум поэта, ему никогда не удастся превратить историю народа в великую национальную драму, которая бы не была уже дана этому народу духовно.

И если мы найдем сотни ассоциаций молодежных изданий, комиссии по молодежным публикациям и тысячи молодежных, школьных и публичных библиотек, мы достигнем противоположного тому, чего хотим достичь, если выберем книги, необходимость которых состоит лишь в нашем педантизме и нашей методологии, но не в душах тех, кому мы их навязываем.

Я познакомился с этими душами, изучал их с юности. Я сам являлся такой душой, даже сегодня.

Вот почему я знаю, что нельзя давать молодым людям никаких книг с образцами добродетели, потому что нет никого, кто был бы образцом добродетели.

Читатель хочет правды, хочет природы.

Он ненавидит муляжи, всегда стоящие именно так, как вы их поставите, не имеющие ни плоти, ни крови и несущие только то, что привлекает к ним уборщиц со школьной моралью.

Задача юного писателя – молодого писателя состоит не в создании персонажей, действующих настолько изысканно и безупречно в любой ситуации, что просто утомляют. Но его величайшее искусство состоит в том, чтобы позволить своим персонажам уверенно совершать ошибки и глупости, с какими он сталкивался сам, если стремится уберечь, сохранить молодых читателей. Для него было бы в тысячу раз лучше разрешить своим вымышленным персонажам погибнуть, чем позволить разгневанному мальчику испытать зло, на самом деле еще не случившееся, хотя по правде и произошло бы, если бы эти события были бы перенесены из книги в обычную жизнь.

Здесь находится ось, вокруг которой должна вращаться наша молодежь и народная литература.

Образцовые мальчики и примерные люди – плохие образцы для подражания, они отталкивают.

Проявляйте отрицательное, но правдиво и точно – так вы добьетесь положительного.

После того, как мы переехали в съемное жилье, мы поселились возле рыночной площади с церковью посередине. Это место было любимой детской площадкой. К вечеру стар-

шие школьники собирались под церковными воротами, чтобы рассказывать сказки. Это была избранная компания. Не всем разрешалось в нее войти. Если приходил кто-то лишний, там не «гудели», он был избит и потом уж точно не возвращался.

Но я пришел не сам и я не просил, а меня привели, хотя мне было всего пять лет, а остальным тринадцать и четырнадцать. Какая честь! Ничего подобного раньше не было! Этим я обязан своей бабушке и ее рассказам!

Сначала я молчал и слушал, пока не узнал все истории, которые здесь происходили. Они не винили меня, потому что я только недавно научился видеть, все еще был с повязкой на глазах и меня щадили. Но потом, когда и это закончилось, меня привели.

Каждый день другая сказка, другая история, еще одна история. Это требовало многого, очень много, но я делал это и с удовольствием. Бабушка помогала. То, что я должен был рассказать в сумеречный час, мы прорабатывали ранним утром, еще до того, как съедали свой утренний суп. Таким образом, когда я подходил к воротам церкви, я был уже хорошо подготовлен.

Наша прекрасная книга «Хакавати» («Рассказчик» по-арабски – прим. перевод.) дала материал на многие годы.

К тому же этот материал необычайно увеличился со временем, но не в книге, конечно, а во мне.

Это было очень простым и естественным следствием того, что мне пришлось перевести духовный мир, возникший во мне через Хакавати, в видимый мир цветов, форм, тел и плоскостей после того, как я стал снова видеть.

Это привело к бесчисленным вариациям и реминисценциям, которые мне удалось привести в окончательную форму или сформированных уже исключительно в самих рассказах.

Тем временем отец убедил меня пойти в школу.

Вообще, в школу допускали только с шести лет; но моя мать, как акушерка, очень часто пересекалась с пастором, который был очень рад исполнить ее желание в качестве инспектора местной школы, а мой отец и учитель начальной школы Шульц встречались два раза в неделю, чтобы поиграть в скат или в голову овцы (старинная популярная карточная игра, предшественница игры в скат – прим. перевод.), так что им не составило труда получить разрешение и с этой стороны.

Я очень быстро научился читать и писать, потому что мне помогали отец и бабушка, а затем, когда я окреп, отец решил, что пришло время мне сделать за него то, что он собирался когда-то сам. Ибо во мне должно было исполниться не исполнившееся в нем, заглянувшего в дом лесника, но счастливее и добрее.

И он всегда обязывал помнить, что среди наших предков были великие люди, о которых мы, их потомки, должны были сказать, что мы не достойны их.

Он сам хотел быть таким, но обстоятельства не позволили. Это было мучительно, и это его раздражало. Для себя он покончил с этими обстоятельствами. Он должен был оставаться тем, кем был, бедным, необразованным профессионалом, тружеником.

Но теперь он перенес на меня свои желания, надежды и все остальное. И он решил сделать все возможное и не пренебречь ничем, чтобы сделать меня таким человеком, каким ему отказали стать.

Это, конечно, можно признать только достойным похвалы.

Все, что имело значение, каким образом и какое именно он даст мне воспитание. Он хотел для меня всего самого лучшего и счастливого. Он мог добиться этого только добрыми и удачными средствами.

К сожалению, не прозревая будущего, я должен сказать, что мое «детство» закончилось тогда же, в возрасте пяти лет. Оно умерло в тот момент, когда я открыл глаза, чтобы видеть.

То, что эти бедные глаза могли увидеть с тех пор и до сегодняшнего дня, было не чем иным, как работой и трудом, беспокойством и тревогой, страданием и мучением, вплоть до сегодняшней пытки на позорном столбе, на котором я мучаюсь почти без конца.

III. Без юности

Милая, красивая, золотая молодежь! Как часто я тебя видел, как часто радовался тебе! С другими, всегда только с другими! Тебя со мной не было. Ты обошла меня по широкой дуге. Я не ревновал, правда, нет, потому что во мне нет зависти, но мне было горестно, когда я видел жизни других в солнечном свете, а сам прозябал в самом дальнем, холодном углу в тени. А еще у меня было сердце, и я все еще жаждал света и тепла.

Но любовь должна быть даже и в самой бедной жизни, и если такой бедняк только захочет, он может быть богаче богатого. Ему нужно только заглянуть внутрь себя. Там он находит то, в чем ему отказывает судьба, и он может подарить это каждому, любому, от кого ничего не получает. Потому что воистину, поистине, лучше быть бедным и все же дающим, чем богатым, и все же только получающим!

Здесь, вероятно, нужно с самого начала прояснить ошибку, которая касается меня – поясию.

Думают, будто я очень богат, даже миллионер – но нет. Пока у меня только «хорошая жизнь», не более того. Даже этому, скорее всего, придет конец, потому что никогда не дремлющие атаки на меня должны, наконец, достичь того, чего с их помощью добиваются. Я приучаю себя к мысли, что я умру точно таким же, каким и родился, а именно бедняком, ничем не владеющим человеком.

Но дело не в этом. Это чисто внешнее. Это ничего не может изменить в моем внутреннем человеке и его будущем.

Ложь о том, что я миллионер, о том, что мой доход составил 180000 марок, исходит от умного, хорошо прогнозирующего противника, который хорошо разбирается в людях и никогда не задумывается что важнее: голос совести или выгода с корыстью. Он очень хорошо знал, что делал, когда публиковал свою ложь в газетах. Тем самым он привлек ко мне злейшего и лютейшего врага – зависть.

Вряд ли стоит упоминать о предыдущих нападках на меня. Но с тех пор, как сочли, что я владею миллионами, люди жестоко и беспощадно действуют против меня. Даже в статьях весьма уважаемых и гуманных критиков эта денежная ненависть сыграла свою роль.

Бесконечно неловко видеть людей, которые в любом другом случае оказались бы литературными рыцарями, но гарцующих на этом скакуне пошлости!

У меня есть свободный от долгов дом, в котором я живу, и небольшой капитал как железный актив для моих путешествий, не более того. От того, что я получаю ничего не осталось.

На мою скромную семью довольно и тех тяжелых жертв, которые мне пришлось принести в испытаниях, навязанных мне.

Раньше я мог в угоду своему сердцу быть доброжелательным к бедным людям, особенно к скромным читателям моих книг. Теперь это прекратилось.

В результате этой хитрой лжи про миллион долларов сейчас я больше, чем когда-либо измучен письмами с требованием от меня денег, но, к сожалению, я больше не могу помочь, и почти каждый, кому я вынужден отказать, чувствует разочарование и враждебность.

Я заявляю, что беспринципное изображение меня как очень богатого человека причинило мне больше, много больше вреда, чем вся критика противников и другие враждебные действия вместе взятые.

После этого отступления, которое я счел необходимым, теперь вернемся к «юности» этого предполагаемого «миллионера», который стремится к совершенно другим сокровищам в отличии от желающих его эксплуатировать.

Это были плохие времена, особенно для бедных жителей того района, где находится мой дом.

При нынешнем благополучии практически невозможно представить, как нам тогда было плохо, и как там голодали люди в конце сороковых годов. Безработица, злоупотребления, голод и революция – эти четыре слова объясняют все. Нам не хватало почти всего, что относится к питанию и потребностям организма.

Мы просили у наших соседей, у трактирщика «Zur Stadt Glauchau» картофельную кожуру на обед, чтобы использовать несколько кусочков, которые еще можно было бы добавить в постный суп.

Мы ходили на «красную мельницу», и нам давали несколько горстей из мешков с пылью и отходами из шелухи, чтобы сделать что-то похожее на еду.

Мы собирали объедки из рыбных отходов и дикий салат под заборами, чтобы приготовить это и наполнить наши желудки. Плавники казались жирными. В результате за время приготовления в воде плавали два или три маленьких кружка жира. Каким питательным и нежным нам это казалось!

К счастью, среди множества безработных местных ткачей была и горстка чулочно-носочных ткачей, чей бизнес не остановился полностью. Они ткали перчатки, такие очень дешевые белые перчатки, которые надевают на руки покойников перед тем, как их хоронят. Маме удалось получить заказы на такие покойничьи перчатки. Теперь мы все, за исключением отца, сидели с утра до поздней ночи и возились с этим.

Мама сшивала большие пальцы рук, потому что это было сложно, бабушка сшивала вдоль мизинцы, а мы с сестрами прошивали средние пальцы. Если бы мы были действительно трудолюбивыми, то к концу недели вместе мы зарабатывали бы одиннадцать или даже двенадцать новых пенни. Какое пиршество!

Вместо этого был свекольный сироп за пять пфеннигов, намазанных на пять булочек; они были очень тщательно измельчены и распределены. Это было одновременно наградой за прошедшую неделю и воодушевлением на грядущую.

Пока мы таким образом усердно работали дома, отец был так же занят вне дома, но, к сожалению, его работа была больше почетной, чем прибыльной.

Цель состояла в спасении короля Фридриха Августа и всего саксонского правительства от краха.

Раньше они просто думали ровно противоположное: короля следует свергнуть, а правительство изгнать из страны.

Этого они хотели почти во всей Саксонии, но в Хоэнштайне и Эрнстале очень скоро от такого отказались – и по самым веским причинам: это было слишком опасно!

Самые громкие крики объединились и ворвались в пекарню.

Затем пришел Святой Ермандад («святое братство» – вооруженная организация по охране общественного порядка, полиция – прим. перевод.) и они затворились.

В течение нескольких дней они чувствовали себя великими и могущественными политическими жертвами и мучениками, только вот их жены не хотели иметь ничего общего с таким героизмом, они сопротивлялись изо всех сил. Они пришли все вместе, они ссорились, они ходили назад и вперед, они убеждали других женщин, они спорили, они прибегали к дипломатии, они угрожали, они просили. К ним присоединились спокойные, рассудительные мужчины.

Почтенный старый пастор Шмидт произнес примирительные речи.

Городской судья Лайриц тоже.

Полицейский Эберхард ходил от дома к дому и предупреждал об ужасных последствиях бунта.

Его поддерживал сержант Грабнер.

В сумерках возле больших церковных ворот мальчики рассказывали друг другу только о расстрелянных, повешенных, и особенно об эшафоте так, что всякий слышащий клал руку на шею и горло себе.

Вот как получилось, что настроение изменилось довольно радикально.

О свержении короля больше не было и речи. Напротив, он должен был остаться, потому что лучше него не было никого. Отныне его нужно было не свергать, а защищать.

Были проведены встречи, чтобы обсудить, как это лучше всего сделать, и, поскольку все говорили о борьбе, войне и победе, само собой разумеется, что мы, мальчики, должны были не только впадать в воинственные настроения, но и усердно работать над военным обмундированием и военными подвигами.

Я только издали, разумеется, потому что я был мал для этого, да и времени не было: приходилось шить перчатки.

Но другие мальчики и девочки, стоя в каждом укромном уголке и закутке, рассказывали друг другу то, что слышали дома от своих родителей, и вели очень важные дискуссии о том, каким образом лучше всего сохранить монархию и отменить республику.

Особенно возмущала злая старая женщина. Она была во всем виновата. Она называлась Анархия и жила в глухом лесу. Но ночью она проникла в города, чтобы сносить дома и жечь амбары, такой зверь! К счастью, все наши отцы были героями, и никто из них не боялся никого, в том числе и этой жестокой Анархии.

Было принято решение о всеобщей вооруженной мобилизации для Короля и Отечества.

В Эрнстале издревле существовали стрелковая рота и сторожевая рота.

Первая стреляла в деревянную птицу, вторая за ней – в деревянный диск.

Вдобавок к этим двум компаниям должны были быть созданы еще две или три, особенно польская компания по нанесению дальнобойных ударов на расстоянии.

Затем выяснилось, что в нашем маленьком городке было очень необычное количество людей крайне воинственных, как стратегически, так и тактически.

Нам не захотелось упустить ни одного из них. Их сосчитали. Их было тридцать три.

Это оказалось очень кстати и прекрасно сработало, а именно: нам нужен был капитан, старший лейтенант и лейтенант для каждой роты. Если бы было сформировано девять новых рот помимо стрелков и гвардейцев, то в сумме получилось бы одиннадцать, и все тридцать три офицера были бы задействованы.

Это предложение выполнили.

При этом небольшое количество голов при подсчете восприняли как должное.

Но барабанщик, мастер чулочно-носочных изделий, господин Лезер, который проходил службу в армии и, следовательно, мог тренировать все тридцать три офицера, утверждал, что это даже и к лучшему, потому что, чем меньше рота, тем меньше людей может быть застрелено в ней на войне. И поэтому так и оставили все, как решили.

Мой отец был капитаном Седьмой роты.

Ему дали саблю и сигнальный свисток.

Но он не был удовлетворен этим назначением: он искал чего-то более высокого.

Поэтому, как только он вымотался, он тайно решил, никем не замеченный, попрактиковаться в «высшем командовании».

И поскольку он выбрал меня в помощь, я на время избавился от шитья перчаток, и каждый день гулял с ним в лесу, где наши тайные продвижения происходили на лугу, окруженном кустами и деревьями.

Отец был то лейтенантом, то капитаном, то полковником, то генералом; но я был саксонской армией.

Я прошел обучение сначала как «взвод», потом как целая рота.

Потом я стал батальоном, полком, бригадой и дивизией.

Я должен был то ехать, то бежать, то вперед, то назад, то направо, то налево, то атаковать, то отступать.

Я не терялся и испытывал стремление и любовь к этой деятельности.

Но я был все еще тем же маленьким ребенком, и поэтому при резком и вспыльчивом характере моего генерала можно легко представить, что мне было невозможно развиваться из простого маленького капрала в полноценную могучую армию за такое короткое время, не испытав на себе строгости воинской дисциплины. Но я не плакал ни при каких наказаниях: я тоже был солдатом Саксонской армии, которая страдает, но борется!

Заработная плата тоже не заставила себя ждать. Когда отец стал заместителем коменданта, он сказал мне:

«Мальчик, ты очень помог в этом. Я сделаю тебе барабан. Ты должен стать барабанщиком!»

Какое это было счастье!

И были моменты, когда я действительно был уверен, что получал все эти шлепки, удары и побои только ради блага и спасения короля Саксонии и служения ему! Если бы король только знал!

Я получил барабан, потому что мой отец всегда держал свое слово.

Мастер-сантехник Лайстнер (да, в Германии того времени существовала сантехника – прим. перевод.) с рынка в Хоэнштайне помог ему построить изготовить его.

Это был очень хорошо сделанный сольный (военный, маршевый барабан – прим. перевод.) барабан; он существует до сих пор.

Позже, когда я немного подрос, но еще был мальчиком, я стал барабанщиком Седьмой роты, и мне придется снова упомянуть этот же барабан.

Одиннадцать компаний сделали свое дело. Они тренировались почти каждый день, а времени было предостаточно, потому что работы не было.

Как мы сумели выжить и чем на самом деле жили, я теперь уже не могу сказать сегодня, мне это кажется чудом.

«Королевские спасатели» были и в других местах. Они были в контакте друг с другом и решили, что как только будет отдан приказ, сразу же отправятся в Дрезден и рискнут всем ради Короля, возможно даже жизнью.

И в один прекрасный день этот приказ пришел.

Зазвучали горны, забили барабаны.

Герои хлынули из каждой двери, чтобы собраться на рынке.

Главный мясник Хаасе стал адъютантом полка. Он позаимствовал лошадь и восседал верхом на ней. Ему было нелегко посреди заместителей командиров и капитанов, потому что лошадь все время старалась сбросить всадника.

Жена городского судьи, фрау Лайриц, вывесила из окон скатерть и свой воскресный салоп.

Это было замечено. Ей стали подражать. Это придало рыночной площади праздничный, веселый облик. Некоторые вообще были в восторге.

Никаких следов от боли разлуки! Никто не чувствовал необходимости прощаться с женами и детьми. Громкое ура по три раза, виват, везде ура!

Комендант произнес речь.

Затем мощно зазвучали духовые инструменты и барабаны.

Затем командование призывает отдельных капитанов:

«Внимание – Смирно, ты – прямой взгляд – Равняйся – Внимание! – Отставить! – Ррр прямо вокруг – Вперед!»

Впереди адъютант на позаимствованном коне, за ним музыканты с турецкими колокольчиками и барабанами, потом комендант и вице-комендант, затем стрелки, караул и девять других рот – марширующей таким образом армии – влево, вправо-влево, вправо из закоулка того времени и мимо шахтного пруда, которому мы тогда доверили наших лягушек, по Вюстенбранду, чтобы добраться до самой столицы через Хемниц и Фрайберг.

За ними шла толпа родственников, провожая храбрецов на окраину города.

Но я стоял на пороге с очень дорогим для меня человеком, кантором Штраухом, нашим соседом, с Фредерикой, его женой, которая приходилась сестрой городскому судье Лайрицу.

У них не было детей, и меня звали помочь им в их маленьком хозяйстве заняться экономическими вопросами.

Я любил его горячо, однако ненавидел ее, потому что она вознаграждала за все мои усилия гнилыми яблоками или перезревшими рыхлыми грушами, да еще не позволяла своему мужу выкуривать больше двух сигар в месяц, по два пфеннига за каждую.

Мне приходилось покупать их для него у лавочника из-за того, что ему самому было стыдно покупать такие дешевые, и он курил их во дворе, потому что Фридерика не выносила запах табака.

Он тоже сегодня искренне обрадовался, увидев наши войска.

Глядя им вслед, он сказал:

«Есть что-то величественное, что-то благородное в таком энтузиазме по поводу Бога, Короля и Отечества!»

«Но что оно приносит?» – спросила жена кантора.

«Оно приносит счастье, настоящее, подлинное счастье!»

При этих словах он вошел в дом; он не любил спорить.

Я пошел к нам. Сел и задумался о том, что сказал кантор.

Итак, Бог, Король и Отечество, истинное счастье заключается в этих словах; я хотел, я должен был запомнить это!

Затем уже значительно позже жизнь смоделировала и запечатлела эти три слова; хотя формы могли измениться, внутреннее же значение осталось.

Из всех, кто в тот день вышел на великие подвиги, первой вернулась одолженная лошадь.

Адъютант передал ее посыльному, который и привел ее домой, потому что идти пешком было лучше, чем верхом еще и потому, что у всадника было недостаточно денег, чтобы заменить лошадь в случае, если она будет ранена в бою или погибнет при стрельбе.

Затем ближе к вечеру вернулся мастер-ткач Кречмар. Он утверждал, что не может вылечить плоскостопие, не может изменить природный недостаток.

Когда стемнело, появились еще несколько человек, получивших увольнение по уважительным причинам и сообщивших, что наш армейский корпус разбил лагерь за Хемницем недалеко от Эдерана и отправил шпионов во Фрайберг, чтобы разведать там военную обстановку.

К утру пришло удивительное, но отнюдь не печальное известие о том, что Фрайберг приказал им немедленно повернуть назад; в них вообще не было необходимости, потому что пруссаки вторглись в Дрезден, и поэтому королю и правительству бояться было нечего.

Можно догадаться, что сегодня не было школы и работы.

Я также был возмущен пошивом перчаток. Я просто убежал и присоединился к храбрым мальчикам и девочкам, которые должны были сформировать одиннадцать отрядов и выйти навстречу своим отцам, возвращающимся домой.

Этот план был выполнен. Мы разбили лагерь у прудов на пустыре, а затем, как и ожидалось, спустились с ними вниз по Шисхаусбергу под звуки горнов и барабанов, где сиротливо стояли жены и наши матери, чтобы приветствовать нас всех, молодых и старых, иногда трогательных, иногда смешных.

Почему я все это так подробно рассказываю?

Из-за того, что это произвело на меня глубокое впечатление.

Я должен разобраться, обратить внимание на источники, из которых сложились поворотные точки моей судьбы.

И что, несмотря на все произошедшее позже, я ни на мгновение не поколебался в своей вере в Бога, даже если судьба и нарушила жесткие своды предвзятых законов, не потеряв ни малейшего уважения к этим законам, частично коренящихся во мне, но частично также в этих маленьких событиях моей ранней юности, оказавшие на меня более или менее решающее влияние.

Я никогда не забывал слов моего старого доброго кантора, которые не только стали плотью и кровью, но и духом и душой.

После этих волнений жизнь вернулась на свои прежние мирные пути.

Я снова шил перчатки и посещал школу. Но этой школы отцу было мало. Я должен был узнать больше, чем предлагали тогдашние начальные классы.

Мой голос превратился в хорошее, объемное сопрано. В итоге кантор принял меня певчим. На публике я быстро стал вести себя безошибочно и смело. Так вышло, что через короткое время мне поручили петь соло в храме.

Церковь была бедной; у нее не оставалось средств на дорогие церковные предметы. Кантору пришлось копировать, перенимать на слух, и я пел на слух. Там, где это было невозможно, он сочинял сам. И что за композитор он был!

Но он был родом из маленькой скромной деревни Миттельбах, сын анемичных, необразованных родителей, практически морил себя голодом, изучая музыку, до тех пор, соответственно, пока не стал учителем.

Он стал кантором, мог одеваться только в синюю льняную сутану и синие льняные брюки, и видел в талере целое состояние, на которое можно было бы прожить несколько недель. Эта бедность совершенно понизила его самооценку. Он просто не знал как заявить о себе. Его все устраивало.

Превосходный органист, пианист и скрипач, он умел и любил повторить любую композицию на слух на любом музыкальном инструменте, что могло бы скоро принести ему славу и состояние, если бы только он был немного увереннее и смелее.

Все знали: где бы в Саксонии или соседних регионах ни появился бы новый орган, кантор Штраух из Эрнсталля обязательно узнает об этом первым и сыграет на нем. Это была единственная радость, которую он себе позволял. Потому что, желая стать больше, чем просто кантором Эрнсталля, помимо храбрости, ему также не хватало разрешения очень строгой госпожи Фредерики, богатой девушки и поэтому выглядевшей как 32-футовый «директор».

Во время брака г-ну Кантору разрешалось говорить только нежным голосом «Vox humana».

Вместе братом она владела несколькими садами, к своим урожаям она относилась особенно пристрастно, и как я уже упоминал, получал я от нее только порченные или перезревшие яблоки и груши. Но зато она знала, как подать это с таким видом, как если бы она дарила все королевство.

Она совершенно не понимала бесконечно высокой ценности мужа и как человека, и как художника. Она была прикована цепью к своему саду, и поэтому он был прикован цепью к Эрнсталлю. Ее не заботила его духовная жизнь или его духовные потребности. Она не открывала ни одной из его книг, и, как только они были завершены, многие его сочинения затерялись в глубине пыльных коробок, стоявших под крышей.

Когда он умер, она продала их бумажной фабрике как отходы, и я не смог предотвратить это, потому что меня не было дома.

Какое глубокое несчастье от непонимания другими, чтобы быть привязанным на всю жизнь к женщине, которая дышит только воздухом Низин, но даже самый одаренный, самый гениальный человек не сможет подняться на большую высоту, добавить здесь нечего.

Мой старый кантор мог вынести такие страдания только потому, что обладал незаурядной покорностью и добродушием, которые никогда не позволяли ему забыть, что он ничтожный бедняк, в отличие от Фредерики – богатой девушки, а также сестры городского судьи.

Позже он давал мне уроки игры на органе, фортепиано и скрипке.

Я уже говорил, что смычок для скрипки отец сделал сам.

Само собой разумеется, что эти уроки были бесплатными, потому что родители были слишком бедны, чтобы платить ему.

Строгая госпожа Фредерика с ними была совершенно не согласна. Уроки игры на органе проводились в церкви, а уроки игры на скрипке – в классе; жена кантора никак не могла найти, чем писать.

Но пианино было в гостиной, и когда я стучал туда, чтобы узнать, кантор выходил девять раз из десяти с ответом:

Сегодня нет уроков, дорогой Карл. Моя жена Фредерика не может их выносить, у нее мигрень».

Иногда говорилось: «У нее нервы».

Неизвестно, чем именно это являлось на самом деле, но я думал, что это сильное проявление чего-то, о чем не имел понятия, а именно мигрени. Но мне не нравилось, что это происходило только тогда, когда я приходил играть на пианино.

Добрый господин Кантор компенсировал это, постепенно обучая меня, как только предоставлялась возможность, теории гармонии, которую Фредерике незачем было изучать, впрочем, это было уже в более позднем отрочестве.

При этом мой отец был нетерпелив во всем том, что он называл моим «воспитанием».

Nota bene: он «воспитывал» меня, и намного меньше заботился о сестрах. Он возлагал все свои надежды на то, что я достигну в жизни всего того, чего он не смог достичь, а именно, не только более счастливого, но и духовно более высокого положения в жизни.

Поэтому я должен быть благодарен ему за то, что хотя он и желал так называемых хороших средств к существованию, но все-таки придавал большее значение энергичному развитию духовной личности. Он чувствовал это внутри яснее и отчетливее, чем мог выразить словами.

Я должен стать образованным, и если возможно, высокообразованным человеком, который может сделать что-то значимое для общего блага человечества; это было желанием его сердца, даже если он выражал это не этими, а другими словами.

Вы можете увидеть его высокие запросы?

Что хотя у него и были высокие требования, но без самонадеянности, и он всегда верил в желаемое и был вполне уверен, что сможет этого добиться.

К сожалению, однако, он не имел ясного представления о путях и средствах, которыми должна была быть достигнута эта цель, и недооценил огромные препятствия, стоявшие на пути его плана.

Он был готов ко всему, даже к величайшей жертве, но он не предполагал, что даже величайшая жертва несчастного бедняка не должна перевешивать ни мельчайшей унции при противостоянии обстоятельств.

И, прежде всего, он понятия не имел, что я – совсем другой человек, нежели он сам, при том, что именно я и был частью процесса достижения таких целей.

Он чувствовал, что, прежде всего, я должен научиться получать знания как можно больше и как можно быстрее, и это воплощалось с большой энергией.

Я пошел в школу, когда мне было пять лет, и оставил учебу, когда мне было четырнадцать.

Мне было легко учиться.

Я быстро догнал свою старшую сестру второклассницу. Затем были куплены школьные учебники у мальчиков старшего возраста. Мне приходилось выполнять школьные задания

дома. Так что я очень скоро стал чужим для своего класса, и это было большим психологическим злом для такого маленького, мягкого добродушного ребенка, которого мой отец к тому же почти совсем не понимал.

Я не думаю, что даже учителя сознавали, какую большую ошибку они сделали. Они исходили из нетребовательного простого соображения, что мальчик, которого больше нельзя обучать в своем классе, может легко перейти в следующий более старший класс несмотря на его еще детский возраст.

Все эти джентльмены являлись более или менее друзьями моего отца, и поэтому местный школьный инспектор даже закрыл глаза на тот факт, что когда мне было восемь или девять лет я уже учился с одиннадцатилетними и двенадцатилетними детьми.

Что касается моего интеллектуального прогресса, который, конечно, не требовал многого в начальной школе, то это было в определенном смысле правильно; но ментально это значило, что меня ужасно и болезненно окрадывали.

Я замечу здесь, что провожу очень резкое различие между духом и душой, между духовным и душевным.

То, что мне давали в обмен за мою маленькую душу на уроках, которые я даже не посещал еще, принимала другая сторона моей души.

Я не находился среди сверстников. Меня считали незванным гостем, и я парил в воздухе со своими маленькими теплыми детскими эмоциональными потребностями.

Одним словом, я с самого начала выбыл из класса, и из года в год становился все более чужим. Я потерял товарищей, которые оказались позади меня, и не приобрёл тех, с кем мог бы быть.

Пожалуйста, не насмехайтесь над этой, казалось бы, мизерной, крайне незначительной судьбой пренебрегаемого мальчика.

Педагог, знакомый с миром человеческих и детских душ, не колеблясь ни секунды, отнесся к этому серьезно, более чем внимательно.

Каждый взрослый, а тем более каждый ребенок желает иметь под ногами надежную твердую почву, которую нельзя утратить. Но эта опора была у меня отнята.

У меня никогда не было того, что называется отрочество, «юность». У меня никогда не было настоящего одноклассника или друга детства.

Самым простым следствием этого является то, что даже сегодня, в преклонном возрасте, я чужой на своей родине, и даже более отчужденный, чем чужой или чуждый.

Меня там не знают: меня там никогда не понимали, хотя так случилось, что вокруг моей персоны накрутилась такая паутина легенд, описать которую мне совершенно невозможно.

То, что, по мнению отца, мне необходимо было выучить наизусть, никоим образом не ограничивалось школьными уроками и школьными занятиями. Он собрал всевозможные так называемые учебные материалы, не будучи в состоянии сделать выбор или определить упорядоченную последовательность.

Он принес все, что нашел.

Мне пришлось это прочитать или даже переписать, потому что он сказал, что это поможет мне лучше запомнить.

Что мне пришлось тогда пережить!

Старые молитвенники, книги по арифметике, естествознанию, научные трактаты, в которых я не мог понять ни слова.

Географию Германии с 1802 года, объемом более 500 страниц мне пришлось полностью переписать, чтобы было легче запоминать числа.

Конечно, это уже слишком! Я сидел целыми днями до полуночи, укладывая в голову эти дикие ненужные вещи. Это был беспрецедентный перекорм и перебор.

Я бы, вероятно, погиб от этого, если бы мое тело не развивалось настолько энергично, несмотря на чрезвычайно скудную диету, что самостоятельно сумело вынести такие перегрузки.

Но еще бывали времена и часы отдыха. Ведь отец не ходил гулять или путешествовать по округе, не взяв меня с собой. Он прибавлял к этому только одно условие, а именно, чтобы не было упущено ни одного учебного развивающего момента.

Прогулки по лесу и роще всегда были чрезвычайно интересными из-за его обширного знания растений. Но это тоже засчитывалось. Были определенные дни и определенные поправки.

Например, если герр Шульц, ректор, богатый Ветцель, канцлер Тиль, купец Фогель, стрелковый капитан Липпольд или другие приходили поиграть в кегельбан или в скат, то отец всегда был рядом, и я был рядом, это было обязательным. Он говорил, что я принадлежу ему. Ему не нравилось видеть меня с другими мальчиками, потому что тогда я не находился под присмотром.

Он не понимал, что мне, конечно, не лучше с ним в компании взрослых мужчин. Я мог слышать там такие вещи и делать такие наблюдения, от которых лучше всего держаться бы подальше для юношей. К тому же отец был на редкость обычным даже в самой оживленной компании. Я никогда не видел его пьяным. Когда он выпивал, обычно, не больше стакана простого пива за семь пфеннигов и стакана тминного или двойного можжевелевого за шесть пфеннигов; мне тоже разрешали пить это. В особых случаях он делил со мной кусок торта за шесть пфеннигов.

Никто никогда не обучал меня, как вести себя в таких взрослых обществах, чтобы общаться даже с ректором или пастором, тоже иногда там бывающих. По крайней мере, эти господа должны были сознавать, что сам я был тихим, но очень внимательным слушателем о вещах и обстоятельствах в разрешенных и совершенно чистых сферах развлечений, торжественно открытых мне, от чего я терял десятки лет.

Я не развился рано, в том смысле, в каком это слово используется для обозначения сексуальных вопросов. И я никогда не слышал ничего такого. Но было все гораздо хуже: меня вытащили из детства и потащили на тяжелый, нечистый путь, по которому следовало бы идти самостоятельно своими ногами, а я чувствовал себя так, словно шел по битому стеклу.

Но как же хорошо я себя чувствовал, когда возвращался к бабушке – с ней я мог убежать в мое дорогое, родное сказочное королевство!

Конечно, я был слишком юн для того, чтобы видеть, что это Царство выросло из самой истинной, самой подлинной реальности.

Хотя для меня у него не было опоры: оно было текучим, зыбким.

Лишь позже, когда я уже и сам подошел к пониманию, оно смогло предложить мне столь необходимую поддержку.

Затем настал день, когда мне открылся мир, который с тех пор не отпускал меня. Появился театр. Самый обыкновенный, бедный кукольный театр, но все-таки театр. Это было в доме мастера-ткача. Первое место за три гроша, второе место за два гроша, третье место за один грош, детям в полцены.

Я получил разрешение пойти с бабушкой.

Это стоило нам обоим пятнадцать пфеннигов.

Было объявлено: «Müllerröschen (Мельничная роза или битва под Йеной»).

Мои глаза горели: я светился изнутри – куклы, куклы, куклы!

И они жили для меня. Они говорили. Они любили и ненавидели. Они страдали. Они принимали великие и смелые решения. Они жертвовали собой за Короля и Отечество.

Так говорил кантор, а я восхищался им в то время!

Мое сердце возрадовалось.

Когда мы вернулись домой, бабушка объяснила мне, как передвигают кукол.

«На деревянном кресте», – пояснила она мне:

«От этого деревянного креста спускаются нити, прикрепленные к конечностям кукол.

Они начнут двигаться, как только переместишь крест вверх».

«Но они говорят!» – ответил я.

«Нет, вместо них говорит человек, держащий крест. Это как в реальной жизни».

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты еще этого не понимаешь, но поймешь».

Я не знал покоя, пока нас снова не отпустили. Спектакль назывался «Доктор Фауст, или Бог, человек и дьявол».

Вряд ли окажется удачной попытка выразить словами впечатление, произведенное на меня этой пьесой. Это не был «Фауст» Гёте, но «Фауст» из старинной народной пьесы, не драма, в которой была собрана вся философия великого поэта или что-либо еще, но это был крик, который прозвучал в Небеса прямо из самых глубин мира, из души народа об Искуплении, избавлении от агонии и страха земной жизни.

Я услышал, почувствовал этот крик и закричал, вторя ему, хотя был просто бедным, невежественным мальчиком, которому в то время едва ли исполнилось девять лет.

Фауст Гете ничего не мог бы сказать мне, ребенку. Откровенно говоря, он даже сегодня не говорит мне то, что вероятно, хотел бы и должен был бы сказать человечеству.

А вот эти куклы говорили громко или почти громко, и то, что они говорили, было большим, бесконечно огромным, потому что это было так просто, так бесконечно просто: дьявол, который может вернуться к Богу только тогда, когда он приведет с собой людей!

И нити, эти нити; и все поднимаются в середину Неба! И все, все, что там движется, зависит от креста, от боли, от мучений, от земных страданий.

То, что не находится на этом кресте, лишнее, неподвижно, мертво для Неба!

Правда, эти последние мысли тогда не приходили мне в голову долгое время, но бабушка говорила так, разве не так отчетливо, и то, что я не видел прямым зрением, я начал прозревать.

Как и прихожанам, мне приходилось посещать церковь дважды по воскресеньям и в праздничные дни, и я был счастлив этому. Я не могу вспомнить, чтобы когда-либо пропустил одну из этих служб.

Но я достаточно искренен, чтобы сказать, что, несмотря на все наставления, которые находил там, я никогда не получал такого неопределимо глубокого впечатления от церкви, как от кукольного театра. С того вечера и до наших дней театр представлялся мне местом, через чьи ворота не должно проникать ничто нечистое, искаженное или нечестивое.

Когда я спросил кантора, придумавшего и написавшего эту пьесу, он ответил, что она не об одном человеке, а о душе всего человечества, и что великий, знаменитый немецкий поэт Вольфганг Гете создал прекрасное произведение искусства, но оно написано не для кукол, а для живых людей.

Я быстро произнес:

«Господин Кантор, я тоже хочу стать таким великим поэтом не для кукол, а писать только для живых людей! Как мне это начать?»

Тогда он посмотрел на меня долгим взглядом и с почти жалостливой улыбкой ответил:

«Начни, как хочешь, мой мальчик, ведь в основном это будут куклы, которым ты найдешь свое применение, и твое Существование будет принесено в жертву».

Конечно, я осознал это решение значительно позже, но эти два вечера, несомненно, оказали решающее влияние на мою маленькую душу.

Бог, человек и дьявол стали, да и всегда были моими любимыми темами, а мысль о том, что большинство людей – это просто куклы, которые не двигаются сами по себе, но движимы, лежит в основе всего, что я делаю.

Держит ли Бог, дьявол или человек, Царь Духа или князь оружия, крест с нитями в своих руках, чтобы влиять на людей, ничто никогда не происходит так уж скоро, но всегда последствия открываются значительно позже.

Через некоторое время я узнал и произведения, написанные уже не душой народа, а поэтами для театра, и тогда я снова вернулся к своему барабану.

Группа актеров на время поселилась в Эрнстале. Теперь это был не кукольный театр, а настоящий театр. Цены были более чем умеренные: первое место 50 пфеннигов, второе место 25 пфеннигов, третье место 15 пфеннигов и четвертое место 10 пфеннигов, правда, только стоя.

Но, несмотря на эту дешевизну, более половины мест каждый день все-таки оставались пустыми. «Артисты» попали в долги. Режиссер впал в ужас. Он уже не мог платить за аренду помещения. И тогда ему явился спаситель, и этим спасителем стал я.

Однажды во время прогулки он встретил моего отца и пожаловался ему на свои беды. Оба посовещались. В результате отец скоро пришел домой и сказал мне:

«Карл, бери свой барабан; мы должны их поддержать!»

«Как?» – спросил я.

«Ты должен трижды побарабанить Прециозе и всем ее цыганам на сцене».

«Кто такая Прециоза?»

«Молодая красивая цыганка, которая на самом деле дочь графа. Ее ограбили цыгане. Теперь она возвращается и находит своих родителей. Ты барабанщик и получишь блестящие пуговицы и шляпу с белым пером. Это привлечет зрителей».

Об этом будет извещено. Если «зал» будет полон, директор даст тебе пять новых грошей; но если не полон, ты ничего не получишь. Завтра в 11 часов репетиция».

Я, разумеется, пришел в восторг. Цыганский барабанщик! Дочь графа! Блестящие пуговицы! Белое перо! Трижды по всей сцене! Пять новых пенсов!

Следующей ночью я очень мало спал и явился на репетицию со своим барабаном в точное время.

Все прошло очень хорошо. Мне понравились все артисты. Директриса погладила меня по щеке. Режиссер похвалил мое умное лицо, смелость и понимание. Но и моя роль тоже довольно проста. Возможно, я бы сделал это за сорок пфеннигов. Даже и за тридцать пфеннигов это великолепно.

Но отец присутствовал там и не уступил ни на грош, потому что он признавал мою художественную ценность и не позволил ни продать, ни предать себя.

Я должен был появиться только один раз за пятьдесят пфеннигов, маршируя впереди большого цыганского выхода.

Я стоял на заднем плане, цыгане позади меня.

Напротив меня с другой стороны стоял директор, игравший старого судебного пристава Педро.

Когда он поднимал правую руку, это было знаком для меня немедленно начать марш и после трех барабанных дробей снова исчезнуть таким же образом. Это было очень просто; ошибиться было невозможно.

Я обнаружил блестящие пуговицы сразу после репетиции. Маме пришлось их пришивать для меня. Их было более тридцати; они полностью не умещались на моем жилете.

Днем мне принесли шляпу с белым пером. Она была выставлена в окно как реклама и сделала свое дело.

Мне нужно было подготовиться за четверть часа до начала выступления.

Жена директора встретила меня с сияющим лицом, потому что зрительный зал был уже настолько заполнен, что несколько «коробок», были быстро поставлены впереди по цене десять центов за место. Их тоже быстро продали.

Отец, мать и бабушка получили бесплатные места.

В тот день я был очень ценным ребенком. Это отношение вокруг меня распространилось настолько, что жена режиссера почувствовала желание положить мне пять новых пенни в правый карман брюк, перед открытием занавеса. Это значительно повысило мою уверенность и мой творческий энтузиазм.

И вот они, великие, возвышенные моменты моего дебюта на первой сцене.

События первого действия происходили в Мадриде. Я не имел к этому никакого отношения. Я сидел в гримерной и слушал, что говорят на сцене. Меня позвали туда.

Я пристегнул барабан, надел шляпу с перьями и отправился к своим пейзажам.

Дон Фернандо и Донна Клара вместе с остальными стояли на сцене.

Пристав замка Педро, который должен был подать мне сигнал, прислонился к заднему фону. Он увидел, как я иду таким энергичным шагом, и отчего-то решил, что я направляюсь прямо на подиум. Поэтому он быстро поднял правую руку, чтобы этого не допустить.

Но я воспринял это, разумеется, как знак поддержки, хотя цыган еще не было позади меня, и начал свою барабанную дробь, маршируя по сцене кругами.

Дон Фернандо и Донна Клара застыли в шоке.

«Мошенник!» – крикнул судебный пристав, когда я проходил мимо него. Он возник из-за заднего фона, чтобы ухватить меня и утянуть, но я уже прошел мимо него.

На каждом шагу мне жестами велели остановиться и уйти; но я настаивал на том, о чем договорились прежде, а именно три прохода по сцене.

«Мошенник!» – закричал судебный исполнитель, когда я проходил мимо него во второй раз, и сделал это так громко, что, несмотря на барабанную дробь, его можно было слышно по всему залу.

Оттуда ответили громким смехом, но я уже начал свой третий раунд.

«Браво, браво!» – раздавались аплодисменты и крики публики.

Наконец испуганный герр директор, игравший Дона Фернандо, заметил передвижение. Он подскочил ко мне, схватил меня за обе руки, так, что мне пришлось остановиться и дать голеням отдохнуть, и загремел на меня: «Мальчик, ты молодец? Стой!»

«Нет, не останавливайся, просто продолжай, продолжай!» – засмеялся кто-то в аудитории.

«Да, продолжай, продолжай и дальше!» – ответил я и оторвался от него. – «Цыгане должны прийти! Вон банду, вон банду!»

«Да, вон банду, вон банду!» – кричала, рычала и выла публика.

Но я пошел дальше и снова начал свое кружение.

И вот она вышла, банда, хотя теперь уже по необходимости, Вианда, старая цыганка, и следом за ней все остальные.

Теперь, собственно, и началось, движение, три раза по кругу, а затем снова на заднем плане.

Но публику это не удовлетворило.

Она кричала: «Вон банду, вон!»

И нам приходилось начинать движение снова и снова.

А в конце номера дважды пришлось выйти.

Было ли это удовольствием! Вопрос.

Теперь мне действительно больше нечего было делать, и я вполне уже мог уйти, но режиссер все еще меня не отпускал. Он написал для меня короткое обращение, которое я должен был выучить наизусть и произнести в конце выступления. Он пообещал мне еще пятьдесят пфеннигов, если я хорошо справлюсь. Это воодушевило мою память.

Когда спектакль закончился и аплодисменты начали стихать, я снова вышел, барабана, а затем вышел к пандусу и попросил «джентльменов» не уходить сразу, потому что жена директора будет продавать абонементы по подписке.

Напоминая смысл сегодняшних аплодисментов, в конце выступления режиссер дал следующую формулировку:

«Так рrrrrэйн, засунули руку в мешок! И рrrrrаус с деньгами, рrrrrаус!»

Это было встречено не кривой улыбкой, а доброжелательным смехом и имело желаемый успех.

Все лица сияли, как у высшего руководства, так и у всех других артистов, и я не был исключением, потому что получил не только свои пять новых пенни, но и бесплатный абонемент, который действовал на все время пребывания нашего отряда в течение всего года. Я использовал его неоднократно, когда отец позволял мне пойти.

Между прочим, в этом добром коллективе почти не было моральной опасности для публики: когда однажды режиссер пришел поиграть в кегельбан и его спросили по этому поводу, почему он так старался удалить все нежные и чувствительные любовные сцены из своих произведений, то он ответил:

«Отчасти из морального чувства долга, а отчасти из мудрых соображений. Наш первый и единственный любовник слишком стар и уродлив для таких ролей».

В предметах, которые я встречался, я искал крест и нити, которыми приводятся в движение куклы.

Я был слишком молод, чтобы его найти.

Это было отложено на более позднее время.

Я еще не был готов узнать Бога, дьявола и человека.

Это бывает со мной очень часто даже сегодня, хотя эти три фактора не только самые важные, но и единственные, из взаимодействия которых должна строиться драма.

Я говорю это сейчас, как мужчина, как поживший человек.

Тогда же, будучи ребенком, я ничего не понимал в этом и позволял себя впечатлять пустой наружной видимостью, как и любой другой ребенок, большой или маленький.

Люди, которые писали такие пьесы для постановки на сцене, казались мне богами. Но если бы я имел возможность выбора, я бы рассказывал не про цыган конокрадов, а сказку про мою чудесную Ситару, про Ардистан и Джиннистан, про кузницу-призрак Кулуба, про искупление от земных мук и подобное этому!

И вот я снова оказался здесь, в одной из тех точек, где меня вытащили из тисков, что есть и у других детей, и которые мне также так необходимы, в мир, которому я не принадлежал, потому что использовать его могут только избранные мужчины, да и то в зрелые годы.

И еще кое-что стоило бы добавить к этому.

Мои родители были евангелистами-лютеранами. Соответственно, я был крещен в евангелическо-лютеранской вере, получил евангелическо-лютеранское религиозное воспитание и обучение, а когда мне исполнилось четырнадцать лет, я был конфирмован по евангелическо-лютеранскому обряду.

Но это никоим образом не привело к высокомерному предубеждению против людей разных других вероисповеданий. Мы не считали себя лучше или более призванными, чем они.

Наш старый пастор был уважаемым джентльменом-филантропом, кто даже и не думал о том, чтобы сеять религиозную ненависть в помещениях своего церковного храма.

Наши учителя думали так же.

И те, кто здесь имел наибольшее значение, а именно отец, мать и бабушка, все трое изначально были глубоко религиозными, но обладали той врожденной, необучаемой религиозностью, которая не вовлекается ни в какие ссоры и, прежде всего, ставит каждому задачу быть просто хорошим человеком. Если да, то ему тем легче обосновать, что он хороший христианин.

Однажды я слышал, как пастор разговаривал с директором школы о религиозных различиях. Тогда первый сказал: «Фанатик никогда не бывает хорошим дипломатом».

Я запомнил это.

Я уже говорил, что ходил дважды каждое воскресенье и в праздничные дни в церковь, но без фанатизма и даже без намерения заслужить похвалу.

Я молился каждый день, в любой ситуации в моей жизни, и я все еще молюсь сегодня.

С тех пор, как я появился на свет, мне ни на минуту не приходило в голову сомневаться в Боге, в Его всемогуществе, Его мудрости, любви и справедливости. Даже сегодня я непоколебим в этой своей твердой вере.

У меня всегда была склонность к символизму, и не только религиозному.

Для меня священен каждый человек и каждое действие, означающее что-то хорошее, благородное, глубокое.

Вот почему некоторые религиозные обычаи, в которых мне приходилось участвовать в детстве, произвели на меня особое впечатление.

Одним из таких обычаев было следующее: конфирманты, освященные святой водой в Вербное воскресенье, впервые в жизни принимали участие в Святом Причастии в последующий Зеленый четверг (Чистый четверг – прим. перевод.)

Только во время этого вечернего богослужения единственный раз в году первые четыре кандидата стояли парами по обе стороны от алтаря для служения. Они были одеты точно так же, как и пасторы – в облачения священников, с маленькими воротничками и в белых шарфах. Они стояли между священнослужителем и причастниками, подобранными парами, и держали в руках черные с золотым узором ткани покрывала, чтобы ничто из предложенной Священной пищи не было утрачено.

Поскольку я пришел в церковную общину совсем юным, мне пришлось несколько раз участвовать в этой службе, прежде чем меня самого допустили к таинству.

Эти благочестивые моменты веры перед алтарем все еще влияют на меня и сегодня, спустя столько лет.

Еще одним из этих обычаев было то, что в первый день празднования Рождества в каждый год во время главного богослужения – один мальчик, должен был взойти на кафедру, чтобы прочитать пророчество Исаяи.

9 стих 2 спеть со стихом 7*.

(2 Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет.

7 Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это. * (Прим. перевод.)

Все это он делал сам, под мягкий аккомпанемент органа. Для этого требовалось храбрость, и органист нередко приходил на помощь маленькому певцу, чтобы не дать ему растеряться.

Я тоже пел это пророчество, и точно так же, как собрание слышало его от меня, оно до сих пор действует на меня и звучит во мне вплоть до самых далеких кругов моих читателей, хотя и другими словами, между строк моих книг.

Любого, кто, будучи младшим школьником, стоял на кафедре и пел бодрым высоким голосом перед слушателями, что появится яркий Свет и отныне не будет конца миру, того эта звезда сопровождает в жизни, если, конечно, он сам не противится этому Вифлеему, и которая продолжает светить даже тогда, когда все остальные звезды погаснут.

Любой, кто не привык смотреть глубже, вероятно, теперь скажет, что и здесь я натолкнулся на одну из точек, в которой крепкие опоры одна за другой были выброшены из-под моих ног, так что, в конце концов, я полностью мысленно вынужден был парить в воздухе.

Но как раз ровно наоборот. У меня ничего не отняли, но было дано очень, очень много – никакой поддержки и защиты от земли, а только веревка, достаточно прочная и твердая, чтобы спастись на ней, если откроется подо мной бездна, от которой, как утверждают фаталисты, я был зависим с самого начала.

Сейчас, когда я начинаю говорить об этой бездне, я вхожу в те области моей так называемой юности, в которой находились и лежат до сих пор болота, от них и поднимались все туманы и все яды, через них моя жизнь и стала для меня непрерывной, бесконечной мукой. Эта бездна имеет свое определение, так что я могу назвать ее точным именем – Чтение.

Я не упал в нее внезапно, нечаянно или неожиданно, но спустился в нее шаг за шагом, постепенно, медленно и сознательно, осторожно направляемый рукой отца. Конечно, он знал не больше моего, куда нас заведет этот путь.

В первую очередь я прочел сказки, затем книгу о травах и иллюстрированную Библию с пометками наших предков.

Затем последовали различные школьные учебники старые и новые, те, что были доступны в городе.

Потом отец позаимствовал самые разные другие книги.

И кроме этого, Библия. Не подборка библейских историй, а целая, полная Библия, которую я неоднократно перечитывал в детстве, от первого до последнего слова, полностью со всем, что в ней было.

Отец считал, что это хорошо, и никто из моих учителей, даже пастор не возражал ему. Он не позволял мне оставаться без дела, хотя бы и наружно. И он был против всякого участия в общении с другими мальчиками «дурных наклонностей».

Он научил меня, как планировать, действовать по плану, рекламировать и продвигать.

Я всегда должен был находиться дома, чтобы писать, читать и «учиться»!

Постепенно я освободился от шитья перчаток. Хотя, если даже если он уходил, от этого было не легче: ведь он брал меня с собой.

Когда я видел, как мои сверстники прыгают, возятся, играют и смеются на рыночной площади, сам я редко осмеливался выразить желание участвовать, потому что, если отец не был в хорошем настроении, это было очень опасно.

Порой, когда я сидел со своей книгой, грустный или даже со слезами на глазах, бывало, что мама тихонько выставляла меня за дверь и с сочувствием говорила:

«Пока что выйди поскорее; но вернись через десять минут, иначе он тебя побьет. Я скажу, что отправила тебя куда-нибудь!»

О, эта мать, эта единственная несравненная хорошая, бедная, тихая мать!

Если вы хотите знать, как и что я до сих пор думаю о ней, откройте стихотворение на странице 105 в моих «Небесных мыслях». А на странице 109 это уже относится к моей бабушке, из чьей души выросла фигура моей Мары Дуриме, дочери восточного царя, которая для меня и моих читателей является «Душой человечества».

А тогда я читал почти все подряд, все, что только имелось в Хоэнштайне-Эрнсталле: книги всех жанров, находящиеся в частных руках, а также много переписывал или конспектировал то, что отмечал отец в поисках новых источников. Их было три, а именно: библиотеки г-на Кантора, г-на Ректора и г-на Пастора.

И здесь кантор проявил себя наиболее рассудительным образом. Он сказал, что у него нет книг для развлечения, только книги для учебы, но что я еще слишком молод для последнего.

Но он все-таки передал мне одну из них, потому что сказал, что для меня как юного прихожанина было бы очень полезно научиться переводить латинский текст наших церковных песнопений на немецкий язык.

В этой книге была латинская грамматика, в которой отсутствовал титульный лист, но на следующей странице было написано:

«Буер [пуэр] должен учиться
Если он хочет стать доминусом,
Но если он учится неудовлетворительно,
Тогда он становится асинусом!»

Отец был в восторге от этого катрена и сказал, что я просто должен сделать так, чтобы стать не асинусом, а доминусом.

Так что теперь учи латынь скоро и усердно!

Вскоре после этого некоторые семьи Эрнсттalia приняли решение тоже последовать этому примеру, чтобы в следующем году эмигрировать в Америку.

Вот почему наши дети должны выучить как можно больше английского за этот период.

Само собой разумеется, что я должен был участвовать!

А потом каким-то образом, я уже не помню каким именно, в наши руки попала книга, в которой были французские масонские песни с текстом и мелодией.

Она был напечатана в Берлине в 1782 году и посвящена «Его Королевскому Высочеству Фридриху Вильгельму, принцу Пруссии».

Поэтому она обязана быть хорошей и очень ценной!

Название было: «Chansons maçonniques», и на мелодию, которая мне больше всего понравилась, нужно было спеть семь четырехстрочных строф, первую из которых можно поместить здесь:

«Nons [Nous] vénérours de l'Arabie
La sage et noble antiquité,
Et la célèbre Confrairie [Confrérie]
Transmise à la postérité.»
«Для нашей Венеры Арабской
Сага в старинном обличье,
Восславим союз же братский
Потомкам на добрую память».

Название «масонские песни» было особенно привлекательно. Какое наслаждение иметь возможность проникнуть в тайны масонства!

К счастью, ректор давал уроки французского также и студентам, обучающимся платно. Он позволил мне войти в этот «круг», и так получилось, что теперь мне нужно было одновременно изучать латынь, английский и французский.

Ректор давал книг поменьше, чем кантор. Его любимым предметом была география. Ему принадлежали сотни географических и этнографических работ, которые он сделал доступными для моего отца. Я набросился на это сокровище с неподдельным энтузиазмом, и добрый джентльмен был только рад, без возражений.

Хотя он и мыслил со своей пастырской позиции, внутренне он был все-таки больше философом, чем теологом, и склонялся к более либеральному направлению. В его словах это выражалось меньше, чем в книгах, которыми он владел.

В это же время пастор открыл для меня свою библиотеку. Он ни в коем случае не был философом, но только и единственно теологом, не больше. Под ним я имею в виду не нашего старого доброго пастора, о котором я уже говорил, а его преемника, который сначала дал мне прочитать все свои трактаты, а затем добавил всевозможные пояснения, назидания и сочинения молодого Реденбахера, а также и других добрых людей.

Вот так и вышло, что с одной стороны, перед ректором Б. лежало восторженное описание исламского благочестия, и тут же рядом с другой стороны – отчет пастора о миссии, в котором были выражены горькие жалобы на явный упадок христианского милосердия.

В одной библиотеке я познакомился с Гумбольдтом, Бонпланом и всеми теми «великими», кто доверяют науке больше, чем религии, а в другой библиотеке – со всеми другими «великими», для кого религиозное откровение выше любого научного результата.

И ведь я не был взрослым, но доверчивым, очень наивным мальчиком; хотя еще глупее меня были те, кто позволил мне пасть и погрузиться в эти конфликты, не зная, что творят.

Все, что было в этих столь разных книгах, могло бы быть хорошим, истинно превосходным; но для меня это должно было стать в будущем ядом.

Но на самом деле все было еще хуже.

За частное обучение языкам, которые я теперь изучал, нужно было платить, и именно мне приходилось как-то зарабатывать эти деньги.

Мы подумали.

Для паба Хоэнштайна требовался умелый и надежный установщик кеглей.

Я подал заявку, и хотя у меня не было практики, я получил работу.

Я там заработал, конечно, много денег, но как! Через какие муки! И чем еще я пожертвовал ради этого!

Кегельбан был популярным, обустроенным и отапливаемым, так что в нем можно было находиться летом, зимой, да в любую погоду. Его посещали каждый день. Всегда толпились посетители.

Отныне у меня не оставалось и четверти часа в собственном распоряжении, особенно в воскресенье днем. Все начиналось сразу после церкви и длилось до позднего вечера.

Однако главным днем был понедельник, потому что это был день еженедельного рынка, когда сельские жители приезжали в город, чтобы продать свою продукцию, сделать покупки и, что не менее важно, поиграть в кегельбане. Но вот их стало пять, десять, потом двадцать, и в эти понедельники случалось, что мне приходилось работать с двенадцати часов дня до полуночи, не имея возможности отдохнуть и пяти минут.

Днем и вечером мне подавали бутерброд со стаканом вчерашнего разбавленного пива. Также случалось, что сострадательный официант заметив, что я уже на пределе, приносил мне стакан шнапса, чтобы взбодрить меня.

Дома я никогда не жаловался на чрезмерную физическую нагрузку, потому что видел необходимость в том, чтобы зарабатывать. Сумма, которую я собирал каждую неделю, была очень даже немаловажной. Я получал фиксированную почасовую плату и фиксированные проценты за каждого игрока, которому устанавливал кегли.

Если же не было игры, но была свободная ставка или даже рискованная, то эту плату удваивали или утраивали.

Бывали такие понедельники, когда я приносил домой больше двадцати грошей, но из-за усталости я еле поднимался в нашу квартиру.

Но какая польза от умствования? Ни малейшей, только вред.

Они пили только простое дешевое пиво, но особенно много шнапса.

Я покажу в другом месте, что мы здесь не имели дело с людьми, знающими или хотя бы представляющими себе, что значит внимание или деликатность. Все, что попадалось на язык, без колебаний выбалтывалось. Можно себе представить, что я там услышал!

Свернутая конусом трубочка действовала как слуховой аппарат. Каждое слово, сказанное игроками в начале игры, казалось отчетливым.

Все, что бабушка и мама создали во мне, включая кантора и ректора также, восставало против того, что я здесь слышал.

Было много грязи и много яда.

Не было такой сильной, совершенно здоровой бодрости, как у Z. например, в Верхней Баварии, но речь шла о людях, которые пришли из пагубной для души атмосферы своих ткац-

ких мастерских прямо в промысел шнапсом, чтобы на несколько часов притвориться довольными.

Что же до меня, так это было не чем иным, как удовольствием пытки, по крайней мере, как физически, так и морально.

И все же в этом пабе был яд даже хуже, чем пиво, бренди и тому подобные гадости, а именно – выдача библиотечных книг, и все, что стояло за этим!

Я никогда не видел такого грязного, внутренне и внешне прямо – такого грубого, крайне опасного собрания книг, как это!

Это было чрезвычайно выгодно, потому что это было единственное место в двух городах. Ничего не покупалось. Единственное, что менялось со временем, так это переплеты становились все грязнее, а страницы – жирнее и истрепаннее.

Содержание снова и снова поглощалось читателями, и я должен, уважая истину, признаться к своему стыду, что, испробовав однажды, я тоже полностью погрузился в преисподнюю, которая обитала в этих томах.

Некоторые названия могут показать, кто и каким дьяволом был: Ринальдо Ринальдини, капитан грабителей, фон Вульпиус, зять Гете. Салло Саллини, знатный вождь разбойников. Химло Химлини, глава благотворительных грабителей. Пещера разбойников на Монте Визо. Беллини, замечательно редкостный бандит. Прекрасная невеста-разбойница или жертва несправедливого судьи. Башня голода или жестокость закона. Бруно фон Левенек, пожиратель священников. Ганс фон Хунсрюк или барон-разбойник как защитник бедных. Эмилия, обнесенная стеной монахиня. Бото фон Толленфельс, спаситель невинных. Невеста в высоком суде. Король как убийца. Грехи архиепископа и т. д. и т. п.

Как-то, когда я пришел устанавливать кегли, а игроков все еще не было, хозяин дал мне почитать одну из этих книг. Позже он сказал мне, что я могу читать их все бесплатно. И я читал; я пожирал их; прочел по три или четыре раза! Я взял ее домой. Я сидел все ночи, склонившись над ней со слезящимися, усталыми глазами. Отец не возражал.

Никто меня не предупредил, даже те, кто должны бы. Все прекрасно знали, что я читал; да я и не скрывал этого. И какой эффект это произвело!

Я и понятия не имел, что со мной происходит, что именно разрушилось во мне. Что те несколько опор, которые у меня, витающего в облаках мальчика, все еще оставались, теперь тоже рухнули, за исключением одной, а именно – моей веры в Бога и моего доверия к Нему.

Психология в настоящее время меняется. Все больше и больше начинают различать дух и душу. Кто-то пытается отличить их друг от друга, четко определить их, продемонстрировать их различия. Говорят, что человек – это не личность, а драма.

Если я и согласен с этим, то все-таки не должен путать то, что было у меня на уме, только начинающем проявляться, с тем, что затрагивало душу моего внутреннего ребенка.

Все прочтенное до сих пор, ничего, вообще ничего не принесло моей душе; только маленькая иллюзия произвела на него эффект, но какой эффект! Она выросла и превратилась из маленького уродца в огромное расплывчатое чудовище.

Мальчик с очень хорошим, добрым, возможно, необычным характером превратился в нечто невнятное, психически неопределенное, в котором уже и не осталось ничего реального, кроме его беспомощности.

И ведь ментально я был без дома, без юности, я цеплялся вверх лишь за упомянутую прочную, неразрываемую веревку и опирался на землю еще как-то лишь потому, что был скорее поэтичным, чем материалистичным, для Короля и Отечества, Закона и Справедливости.

Я испытывал уважение, пришедшее еще с тех времен, когда одиннадцать героических компаний Эрнсталля были сформированы, чтобы спасти находящегося в тяжелом положении монарха Саксонии и его правительство от крушения.

Но теперь я лишился и этой поддержки через чтение этой постыдной библиотеки.

Все вожаки разбойников, бандиты и бароны-разбойники, о которых я читал, были благородными людьми.

Тем, во что они превратились сейчас, они стали из-за злых людей, особенно несправедливых судей и жестоких властей.

Они обладали истинным благочестием, горячим патриотизмом, безграничной доброжелательностью и сделали себя рыцарями и спасителями всех бедных, всех угнетенных и страждущих.

Они заставляли читателей восхищаться ими и приходить от них в восторг; но вот всех противников этих великолепных людей было необходимо презирать, особенно власти, постепенно теряющие свою силу.

Но главное – избыток жизни, активности и движения, царившее в этих книгах!

Что-то происходило с обеих сторон, что-то очень интересное, какое-то великое, серьезное, смелое деяние, достойное всяческого восхищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.